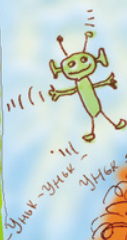

НОВЫЕ
ПРИКЛЮЧЕНИЯ

Наринэ Абгарян
Манюня

пишет
фантастич**Ы**ск**Ы**й
роман

А

Наринэ Абгарян
Манюня пишет
фантастический роман
Серия «Манюня», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=649725

Манюня пишет фантастический роман / Наринэ Абгарян: Астрель-СПб, АСТ; Москва; 2011

ISBN 978-5-17-072336-2, 978-5-9725-1972-9

Аннотация

Перед вами долгожданное продолжение лучшей в мире книги о детстве – романа Наринэ Абгарян «Манюня».

Всем, кто уже успел узнать и полюбить смешных подружек-хулиганок Нару и Манюню, суровую, но обаятельную Ба – бабушку Манюни и ораву их шумных и несуразных родственников, а также тем, кому это ужасно приятное знакомство только предстоит, мы дарим книжку о новых приключениях Манюни! Если вы думаете, что знаете, на что способны две девчонки младшего школьного возраста, которым не сидится на месте и хочется провести детство так, чтобы ни одна его минута не прошла скучно, то вы еще ничего не знаете... Читайте и ужасайтесь, то есть наслаждайтесь, конечно!

Содержание

Уважаемые читатели!	4
Глава 1	7
Глава 2	24
Глава 3	44
Глава 4	60
Глава 5	81
Глава 6	103
Конец ознакомительного фрагмента.	106

Наринэ Абгарян Манюня пишет фантастический роман

Уважаемые читатели!

Эти издатели – просто ненормальные (зачеркнуто) странные люди. Мало того, что они напечатали первую книгу о Манюне, так еще и за вторую взялись. То есть чувство самосохранения у них отсутствует напрочь, и чем все это обернется – я не знаю.

Тем, кому повезло, и они не читали первую часть «Манюни», со всей ответственностью говорю – положите книжку обратно, откуда взяли. Лучше потратьте деньги на что-нибудь другое, взвешенное и серьезное. А то от хиханек и хаханек умнее не станешь, разве что пресс накачаешь. А кому нужен пресс, когда живот должен быть сами знаете какой. Вместительный прямо-таки должен быть живот. Чтобы можно было в нем комок нервов взрастить, как нас учили в знаменитом фильме «Москва слезам не верит».

Ну а тем из вас, кто не внял моему предупреждению и таки взял книгу, я как бы кратко намекаю на состав лиц повествования.

Семейство Шац:

БА. Иными словами – Роза Иосифовна Шац. Тут ставлю точку и трепещу.

Дядя Миша. Сын Ба и одновременно Манюнин папа. Одинокий и негибаемый. Бабник с тонкой душевной организацией. Опять же однолюб. Умеет совместить несовместимое. Верный друг.

Манюня. Внучка Ба и Дядимишина дочка. Стихийное бедствие с боевым чубчиком на голове. Находчивая, смешливая, добрая. Если влюбляется – то вусмерть. Пока со свету не сживет – не успокоится.

Вася. Иногда Васидис. По сути своей – вездеходный «ГАЗ-69». По экстерьеру – курятник на колесах. Упрямый, своенравный. Домостровец. Женщин откровенно считает рудиментарным явлением антропогенеза. Брезгливо игнорирует факт их существования.

Семейство Абгарян:

Папа Юра. Подпольная кличка «Мой зять золото». Муж мамы, отец четырех разнокалиберных дочек. Душа компании. Характер взрывоопасный. Преданный семьянин. Верный друг.

Мама Надя. Трепетная и любящая. Хорошо бегают. Умеет метким подзатыльником загасить зарождающийся конфликт на корню. Неустанно совершенствуется.

Наринэ. Это я. Худая, высокая, носатая. Зато размер ноги большой. Мечта поэта (скромно).

Каринка. Отзывается на имена Чингисхан, Армагеддон, Апокалипсис Сегодня. Папа Юра и мама Надя до сих пор не вычислили, за какие такие чудовищные грехи им достался такой ребенок.

Гаянэ. Любительница всего, что можно засунуть в ноздри, а также сумочек через плечо. Наивный, очень добрый и отзывчивый ребенок. Предпочитает коверкать слова. Даже в шестилетнем возрасте говорит «аляпольт», «лясипед» и «шамашедший».

Сонечка. Всеобщая любимица. Невероятно упрямый ребенок. Хлебом не корми, дай заупрямиться. Из еды предпочитает вареную колбасу и перья зеленого лука, на дух не выносит красные надувные матрасы.

Ну вот. Теперь вы знаете, о ком вам предстоит читать. Поэтому в добрый путь.

А я пошла сына воспитывать. Потому что окончательно от рук отбился. Потому что на каждое мое замечание он говорит: меня просто не за что ругать. Мое поведение, говорит, просто ангельское по сравнению с тем, что вы в детстве вытворяли.

И ведь не возразишь!

Вот она, тлетворная сила печатного слова.

Глава 1

Манюня – отчаянная девочка, или Как Ба сыну подарок на день рождения искала

Я не открою Америки, если скажу, что любая закаленная
тотальным дефицитом советская женщина по навыку выжи-

вания могла оставить далеко позади батальон элитных десантников. Закинь ее куда-нибудь в непролазные джунгли, и это еще вопрос, кто бы там быстрее освоился: пока элитные десантники, поигрывая мускулами, пили бы воду из затхлого болота и ужинали ядом гремучей змеи, наша женщина связала бы из подручных средств шалаш, югославскую стенку, телевизор, швейную машинку и села бы строчить сменное обмундирование для всего батальона.

Это я к чему? Это я к тому, что седьмого июля у дяди Миши был день рождения.

Ба хотела купить сыну в подарок добротно сшитый классический костюм. Но в жестких условиях пятилетки человек предполагал, а дефицит располагал. Поэтому упорные поиски по областным универсам и товарным базам, а также мелкий шантаж и угрозы в кабинетах товароведов и директоров торговых точек ни к чему не привели. Создавалось впечатление, что хорошая мужская одежда изжита, как классовый враг.

И даже фарцовщик Тевос не смог ничем помочь Ба. У него была партия замечательных финских костюмов, но Дядимишиного пятьдесят второго размера как назло не оказалось.

– Вчера купили, – разводил руками Тевос, – а новых костюмов в ближайшее время не ожидается, будут только ближе к ноябрю.

– Чтобы ослепли глаза того, кто будет носить этот ко-

стюм! – сыпала проклятиями Ба. – Чтобы на голову ему свалился здоровенный кирпич, и всю оставшуюся жизнь ему снились одни только кошмары!

Но одними проклятиями сыт не будешь. Когда Ба поняла, что своими силами ей не справиться, она кинула клич и подняла на ноги всех наших родственников и знакомых.

И в городах и весях нашей необъятной Родины начались лихорадочные поиски костюма для дяди Миши.

Первой сдалась мамина троюродная сестра тетя Варя из Норильска. Спустя две недели упорных поисков она отчиталась коротенькой телеграммой: «Надя зпт хоть убей зпт ничего нет тчк».

Фая, которая Жмайлик, звонила через день из Новороссийска и фонтанировала идеями.

– Роза, костюм не нашла. Давай возьмем Мишеньке фарфоровый сервиз «Мадонна». Гэдээровский. Ты же знаешь, у меня знакомые в «Посуде».

– Фая! – ругалась Ба. – На кой Мише фарфоровый сервиз? Мне бы ему из одежды чего купить, а то ходит в одном и том же костюме круглый год!

– Хохлома! – не сдавалась Фая. – Гжель! Оренбургские пуховые платки!

Ба убирала трубку от уха и дальнейшие переговоры вела, надрываясь в нее, как в рупор. Наорется, а потом прикладывает трубку к уху, чтобы услышать ответ.

– Фая, ты совсем спятила? Ты мне еще балалайку пред-

ложки... или расписные ложки... Да уймись ты, не надо нам никаких ложек! Это иронизирую я! И-ро-низи-ру-ю. Шучу, говорю!

Из Кировабада позвонил мамин брат дядя Миша:

– Надя, могу организовать осетрину. Ну что ты сразу пугаешься, престижный подарок, пудовая элитная рыбина. Правда, забирать ее в Баку, но если надо, я съезжу.

– Осетрину съел и забыл, – расстроилась мама, – нам бы что-нибудь из одежды, чтобы «долгоиграющее», понимаешь? Костюм хороший или куртку. Плащ тоже сойдет.

– Можно сфотографироваться с осетриной на «долгоиграющую» память, – хохотнул дядя Миша, – да шучу я, шучу. Ну извини, сестра, это все, что я могу предложить.

Ситуацию спасла жена нашего дяди Левы. У нее в Тбилиси жила большая родня. Одним звонком тетя Виолетта всполошила весь город от Варкетили до Авлабара¹ и нашла-таки людей, которые обещали организовать хорошую шерстяную пряжу.

– Ну и ладно, – вздохнула Ба, – свяжу Мише свитер. На безрыбье и рак рыба.

В день, когда должны были привезти пряжу, у нас на кухне яблоку негде было упасть. Мама остервенело месила тесто для пельменей, мы, выклянчив у нее по кусочку теста, лепили разные фигурки, а Ба сидела за кухонным столом, листала

¹ Варкетили, Авлабар – районы Тбилиси.

журнал «Работница» и чаевничала вприкуску. Отпивая кипяток из большой чашки, она смешно пугалась лицом, глотала громко, kloкочa где-то в зобу, и со вкусом перекатывала во рту кусочек сахара.

– Кулдумп, – комментировала каждый ее глоток Гаянэ. Сестра сидела у Ба на коленях и замороженно наблюдала за ней.

– Если кто-нибудь проговорится Мише о свитере, то ему несдобровать, ясно? – профилактически напустила на нас страху Ба.

– Ясно, – заблеяли мы.

– У тебя в животе кто живет? – не вытерпев, после очередного громкого глотка спросила у Ба Гаянэ.

– Никто.

– Ну ведь кто-то должен говорить «кулдумп», когда ты глотаешь? – Гаянэ смотрела на Ба большими влюбленными глазами. – Я вниматейно слушаю. Когда ты глотаешь, кто-то внутри говорит «кулдумп»! Ба, ты мне скажи, кто там живет, я никому не скажу, а если скажу, пусть мне будет нисс... нисдобрывать.

Мы захихикали. Ба сложила ладони трубочкой и громко зашептала на ухо Гаянэ:

– Так и быть, скажу тебе. В животе у меня живет маленький гномик. Он следит за всеми непослушными детьми и докладывает мне, кто из них набедокурил. Поэтому я все знаю. Даже про тебя.

Гаянэ быстро-быстро слезла с колен Ба и выбежала из кухни.

– Ты куда? – крикнули мы ей вслед.

– Я чичас вернусь!

– Не нравится мне это «чичас вернусь», – сказала мама. – Пойду посмотрю, что она там натворила.

Но тут позвонили в дверь, и мама пошла ее отпирать. Это привезли обещанную пряжу. Ее оказалось неожиданно много, и обрадованная мама полезла за кошельком:

– Я тоже возьму и обязательно что-нибудь свяжу девочкам.

Мы перебирали большие шоколадно-коричневые, синие, черные, зеленые мотки и ахали от восторга.

– Ба, и мне свяжешь чивой? – допытывалась Маня.

– Конечно. Что тебе связать?

– Колготки!

Я хотела попросить маму, чтобы и мне связали колготки, но тут в комнату вошла довольная Гаянэ.

– Ба-а, твой гномик про меня уже ничего не скажет! – расплылась в довольной улыбке она.

– Какой гномик? – рассеянно отозвалась Ба.

– Который у тебя в зивоте сидит!

Все мигом всполошились и побежали смотреть, что такого сделала Гаянэ. Впереди на всех парах летела мама.

– Господи, – причитала она, – как я могла забыть? Что она там учинила?

Ворвавшись в детскую, мама остолбенела и сказала «о боже». Мы напирали сзади, вытягивали шеи, но ничего не могли увидеть.

– Чего там, Надя? – Ба отодвинула нас и, легонько подталкивая окаменевшую на пороге маму, вошла в спальню. Мы просочились следом и ойкнули.

Одна стена детской была там и сям аккуратненько изрисована в каляки-маляки. Красной краской.

– Не волнуйся, Надя, отмоем. – Ба присмотрелась к художествам Гаянэ. – Что это за краска? Жирная какая. Не отмоется. Ничего, обклеим обоями.

И тут мама заплакала. Потому что она сразу догадалась, чем Гаечка изрисовала стену. Такой красной могла быть только новенькая французская помада, которую ей на тридцатипятилетие подарили коллеги. Скинулись всем учительским коллективом и пришли на поклон к фарцовщику Тевосу. И выбрали красивую помаду от «Диор». Сдачи хватило на небольшой подарочный пакет и букет гвоздик. Нищие учителя, что с них взять. Целый коллектив смог наскрести деньги на одну помаду.

Это был очень дорогой маминому сердцу подарок. За полтора месяца она только дважды пользовалась помадой, притом в первый раз – в учительской, по просьбе коллег. Накрасила губы, и все ахали и охали, как ей идет этот цвет.

Ба обняла плачущую маму:

– Не плакай, Надя, я тебе свяжу точно такую же пома-

ду, – засюсюкала она, и мама рассмеялась сквозь слезы. Решительно невозможно долго горевать, когда Ба тебя обнимает. Категорически невозможно!

– Ну зачем, ну зачем ты изрисовала стену?! – отчитывала потом Ба Гаечку. – Всю помаду извела!

– Я сначала поставила на стене точечку, испугалась и убрала помаду в карман, – оправдывалась сестра, – а когда ты про гномика сказала, ну, про того, который у тебя в животе сидит и говорит «кулдумп», я побезала исправлять мой набедокурил. И нарисовала много картинок, чтобы вы не увидели точечку!

Ба всплеснула руками:

– Зубодробительная логика!

Гаянэ зарделась:

– Ба, скажи, я умная? Скажи? Как мой папа.

– Молодец твой отец, на полу спал – не упал, – хмыкнула Ба.

* * *

– Нарк, ничего ты в женщинах не понимаешь, – спустя несколько дней отчитывала меня Манька. – Вот смотри, мы с тобой девочки? Девочки, грю? Чего молчишь, как будто воды в рот набрала? Девочки мы или кто?

Мы лежали на ковре в гостиной Маниного дома и листали книгу Памэлы Тревис. За окном лил дождь, и грохотали

поздние июньские грозы.

Манюня очень боялась молний и обязательно затыкала себе уши затычками, чтобы приглушить перекаты грозы. Вот и сейчас, лежа пузом на ковре, она остервенело листала книгу, переругивалась со мной, а из ушей у нее воинственно торчали большие куски ваты.

Мы недавно прочли, да что там прочли, проглотили книгу о волшебнице-няне и были по уши в нее влюблены.

– До чего же повезло Майклу и Джейн Бэнкс, – кручинилась я. – Вот бы нам такую прекрасную няню!

– Нам не повезло дважды. Раз – что мы не родились в Англии, – Манька согнула указательным пальцем правой руки мизинец левой, – и два – что мы не Бэнкс. – Она согнула безымянный палец и потрясла у меня перед носом рукой: – Видела?

– Видела, – вздохнула я. – А повезло бы нам родиться в Англии в семье Бэнкс – и была бы у нас молоденькая няня-волшебница... Она летала бы на зонтике и статуи оживляла.

– А с чего ты взяла, что она молоденькая? – удивилась Маня. – Да она совсем взрослая тетечка!

И мы начали спорить о возрасте Мэри Поппинс. Я утверждала, что она молоденькая, а Маня говорила, что чуть ли не пенсионерка.

Ба вполуха прислушивалась к нашей перебранке, но не вмешивалась – считала петли и боялась сбиться со счета.

– Так! Мы с тобой девочки? – повторила Манька свой вопрос.

– Девочки, конечно, – промямлила я.

– Вот! Мы девочки. А твоя двоюродная сестра Алена уже девушка. Потому что ей семнадцать, и она уже совсем взрослая. А преподавательница по игре на фортепиано Инесса Павловна уже почти дряхлая старушка, потому что ей сорок два года! Ты понимаешь это своей дурьей башкой?

Я не успела ответить, потому что Ба наградила Маньку увесистым подзатыльником.

– За что?! – возопила Манька.

– Во-первых, за «дурью башку»! Это еще вопрос, у кого из вас башка дурнее, по мне – так обе балбески. А во-вторых, скажи мне, пожалуйста, если женщина в сорок два уже дряхлая старушка, то я в свои шестьдесят тогда кто?

– Мисс Эндрю, – процедила Манька сквозь зубы.

– Ктооооо? – выпучилась Ба.

Я похолодела. Конечно, моя подруга была отчаянной девочкой и иногда в пылу спора могла обзываться. Но и отчаяние должно иметь какие-то разумные пределы. Согласитесь, одно дело обзывать «дурьей башкой» подругу, и совсем другое – назвать Ба «мисс Эндрю»! Так ведь и до тяжелой контузии недалеко!

Поэтому, когда Ба выпучилась и выдохнула «Чтоооооо?», Манюня, смекнув, что перегнула палку, заюлила хвостом:

– Ты моя самая любимая бабушка на свете, Ба, я просто

пошутила! Никакая ты не мисс Эндрю, ты настоящая Мэри Поппинс!

– Еще раз такое услышу, немилосердно пошучу в ответ. Откручу уши и повыдергиваю ноги к чертовой матери, понятно? – выдохнула огнем Ба.

Мы молча переглянулись. Не ответить на оскорбление хотя бы фирменным подзатыльником? Неслыханное дело! Ба сегодня была на удивление миролюбива.

Тем временем гроза за окном утихла, кое-где облака рассеялись, и выглянуло июньское жаркое солнце.

– Мань, может, вытащишь из ушей вату? Гроза прошла, – предложила я.

– Не буду вытаскивать, я уже сроднилась с нею, – заупрямилась Манька и затолкала вату глубоко в уши. – Вот так-то лучше.

– Ладно, – мне пришлось смириться с воинственным настроением подруги, – пойдем посмотрим, что во дворе творится.

– Далеко не уходите, – предупредила Ба, – дождь может заново начаться.

– Мы просто прогуляемся вокруг дома, – крикнули мы с порога.

Во дворе вкусно пахло омытым воздухом и мокрой землей. При малейшем дуновении ветра с деревьев градом падали капли воды. Вся земля под тутовым деревом была обсыпана спелыми ягодами.

Мы с Манюней пробрались в сад и сорвали несколько

незрелых плодов антоновки. Схрумкали яблочки, обливаясь слюной и отчаянно гримасничая – от кислинки сводило скулы.

Гулять по мокрому саду было скучно.

– Давай лучше пойдем к нам, – предложила я.

– Говори громче, я плохо слышу, – потребовала Манька.

– Давай лучше пойдем к нам домой! – проорала я. – Мама обещала на ужин блинов напечь!

– С чем?

– Ни с чем. Но есть можно с вареньем. Или со сметаной. Можно обсыпать сахарным песочком. Или полить медом.

– Пойдем, – шмыгнула Манька, – я возьму блин, посыплю его сахаром, полью вареньем, медом, солью и съем с брынзой!

– Буэ, – поморщилась я.

– Буэ, – согласилась Манька, – но попробовать-то можно?

Она вытащила из ушей ватные затычки и положила их на грядки с кинзой.

– Чтобы растениям ночью было на что преклонить головки, когда они будут спать, – объяснила она.

Мы уже выходили в калитку, когда вдруг к дому подкатил белый «жигуленок». Из машины вылез дядя Миша, открыл заднюю дверцу и вытащил оттуда какую-то коробку. Обычно дядя Миша возвращался с работы ближе к семи вечера, и о его скором прибытии оповещало далекое кряхтение «ГАЗика» Васи. «Вннн-вннн, – надрывался Вася на подступах к

Маниному кварталу, – кха-кха!» Услышав далекий «вннн-вннн», Ба подхватывалась и уносила в свою комнату вязание. И, пока дядя Миша парковал многострадальный «ГАЗик», на плите уже разогревался ужин, а Ба в спешном порядке накрывала на стол.

Но сегодня дядя Миша вернулся во внеурочное время и на чужом автомобиле!

Мы с Манькой припустили к дому.

– Ба! – заорали мы с порога. – Там папа вернулся!!!

– Какой папа? – всполошилась Ба.

– Манькин папа, – отрапортовала я, – то есть твой сын!

Прячь свитер!

Ба с несвойственной для ее возраста удалью взлетела на второй этаж, засунула вязку под кровать, чуть ли не вприпрыжку скатилась вниз по лестнице и в одном прыжке преодолела расстояние до кухни.

– Чего это он так рано приехал? – выдохнула она. – Дайте мне успокоительное! Еще одни такие кульбиты, и некому будет довязывать свитер.

Когда дядя Миша вошел в дом, Ба, окутанная парами вальерьянки, остервенелого строгаала хлеб, а мы с Манькой, расположившись на диване в гостиной, разглядывали картинки в первом попавшемся под руку журнале.

Обрадовавшись такой тишине, дядя Миша на цыпочках прокрался мимо нас и стал подниматься по лестнице на второй этаж. Мы вытянули шеи. Ба высунулась из кухни и ка-

кое-то время с интересом наблюдала за сыном.

– Мойше! – прогрохотала она.

Дядя Миша подпрыгнул от неожиданности и чуть не выронил коробку.

– Ма, ты снова за свое? – рассердился он.

Мы с Манькой прыснули. Дело в том, что Ба иногда называла сына Мойшей. А Манькин папа очень болезненно реагировал на такое к себе обращение.

– А чего это ты крадешься на верхний этаж? – полюбопытствовала Ба. – И что это за коробка у тебя в руках?

– Это моя очередная разработка. Секретная, – грозно выпучился в нашу сторону дядя Миша, – поэтому очень прошу ее не трогать, пыль с нее не стирать, винтики не откручивать, водой не поливать! Послезавтра я ее отправляю в Ереван, в НИИ Математических наук. Всем понятно?

– Аха, – радостно закивали мы.

– А тебя, Роза Иосифовна, я очень прошу называть меня моим настоящим именем. По паспорту. Михаилом, понятно?

– Могу хоть Мухоедом, – фыркнула Ба.

Дядя Миша обиженно засопел, но не стал ничего говорить. Он оставил коробку в своей комнате и спустился вниз.

– Я пошел.

– А кушать не изволите, Мухоед Сергеевич? – поинтересовалась Ба.

– Меня там люди ждут, – буркнул дядя Миша и хлопнул

дверью.

Ба уставилась на нас.

– Секретная разработка, – пробухтела она. – Пойдем посмотрим, что это за секретная разработка.

Мы взлетели на второй этаж. Ба, кряхтя, поднималась следом:

– Не трогайте, я сама!

Она открыла коробку и вытащила оттуда металлическую штуковину, чем-то смахивающую на гибрид ершика для чистки унитаза с мясорубкой. Ба повертела в руках секретную штуковину, приняухалась к ней.

– Ишь, чего придумал, – хмыкнула она с нескрываемой гордостью и убрала секретный агрегат обратно в коробку. – Видимо, это запчасть для какой-нибудь ракеты!

– Империалистическую гидру давить? – затрепетала Манька.

– Ага.

– Ооооооо, – закатили мы благоговейно глаза.

– Если бы не секретность этой штуковины, то можно было бы утопить ее в воде и посмотреть, что будет, – сокрушалась я через два дня, когда Дядимишина разработка таки благополучно отчалила в Ереван.

– Ага, – вздохнула Манька, – а еще можно было выкинуть ее в окно со второго этажа и посмотреть, отвалится ершик или нет. Только если эта штуковина для того, чтобы давить империалистическую гидру, то трогать мы ее не должны. Мы

же не предатели Родины, правда?

– Нет, мы не предатели Родины, мы ее защитники... цы... защитницы, во! – засияла я.

– А я бы костер развела! – мечтательно протянула Каринка. – Если эта штукавина – запчасть для ракеты, то она мигом бы взорвалась и стерла наш город в пыль. Представляет, как здорово? Ни школ, ни библиотек, ни художки.

– Ни музыкалки, – вздохнула Манюня.

А седьмого июля мы справляли Дядимишин день рождения. Мама с Ба приготовили множество вкусных блюд – салаты из свежих и печеных овощей, форель в вине, буженину, плов с гранатом, борани² из цыплят. Папа собственноручно замариновал мясо для шашлыка. «Шашлык не терпит женских рук!» – приговаривал он, пересыпая мясо крупной солью, горными травами и кольцами лука.

Стол решили накрыть во дворе, потому что дома было очень душно. И мы суетились между кухней и тутовым деревом, перетаскивая приборы, бутылки с минералкой и лимонадом, а также стулья.

А потом пришли Дядимишины коллеги. Они смеялись, громко шутили и похлопывали его по плечу, но, как только из дома вышла Ба, все мигом присмирели. Кто-то из коллег вручил имениннику большой сверток, перевязанный крест-накрест бечевкой.

– А то ходишь черт знает в чем, – шепнул даритель.

² Армянское блюдо из цыпленка и тушеных овощей.

Когда дядя Миша развернул подарок, Ба не поверила своим глазам – в свертке лежал тот самый финский костюм пятьдесят второго размера, который Ба не смогла купить у Тевоса.

– Так это вы его взяли, – растрогалась она.

Потом папа вручил своему другу путевку в санаторий, и Ба очень обрадовалась ей:

– Ну наконец-то Миша съездит на воды и поправит свое здоровье, а то замучил всех своей изжогой!

Знай она, что путевок на самом деле две, и вторая предназначается Дядимишиной очередной пассии, то неизвестно, чем бы закончился праздник. Но папа благоразумно оставил вторую путевку дома и вручил ее другу на следующий день.

А потом Ба торжественно преподнесла сыну свитер. Дядя Миша тут же его надел, покрасовался перед коллегами, а потом снял и накинул на спинку стула. И свитер благополучно провисел там до конца застолья. А на следующий день Ба обнаружила на его рукаве большую подпалину. За столом много курили, и, видимо, кто-то нечаянно задел свитер зажженной сигаретой. Но Ба расстраиваться не стала. Она распоролла рукав и связала его заново.

– Поделом мне, – приговаривала она, – не надо было сыпать проклятиями. Вот и поплатилась я за свой длинный язык.

Это был единственный раз, когда Ба признала, что у нее длинный язык.

Глава 2

Манюня любопытствует, что такое «д. н. э.», или Дядимишина большая любовь

Однажды дядя Миша влюбился.

Спешу вас успокоить, никто из героев повествования не пострадал. И это, несомненно, благодаря акту высочайшего

гуманизма, проявленного Розой Иосифовной. А ведь могла покалечить, да. Или убить.

А так все обошлось. И даже папе практически не досталось. Ну что такое один-единственный подзатыльник? Правда, от неожиданности папа клацнул зубами и прикусил кончик языка, но это уже такие мелочи, о которых можно не упоминать.

Вот.

Но давайте по порядку. Я уже рассказывала вам, что у дяди Миши периодически разыгрывал мужской гонор. В такие разрушительные для иммунитета периоды он совершал необдуманные поступки, как-то: знакомился с красивыми женщинами, водил их в единственный приличный в нашем городке ресторан и, как следствие, не приходил домой ночевать.

Вы скажете, что это нормальное поведение для разведенного и, не побоюсь этого слова, – половозрелого мужчины. Может, и так. Но не в том случае, если у этого мужчины вместо среднестатистической мамы – Ба. Потому что если среднестатистическая мама скрепя сердце мирилась бы с таким безобразным поведением сына, то Ба, как только дядя Миша не приходил домой ночевать, моментом устраивала катаклизм воистину галактического масштаба.

После катаклизма дядя Миша вел себя тише воды ниже травы. Романы на стороне заводить он продолжал, но теперь старался заметать следы. Правда, по целому букету вторич-

ных признаков мы легко вычисляли, что у него все-таки кто-то появился.

Во-первых – по прическе. У дяди Миши была какая-то беда с шевелюрой – густые крупно выющиеся каштановые волосы каким-то невообразимым макаром росли сразу во все стороны и ложиться волной не желали.

– Это потому, что характер у тебя отвратительный, – говорила Ба. – Посмотри на свои волосы и на пальцы на ногах – они же у тебя врастопыр! (На самом деле Ба называла Дядимишин характер говенным, просто я малодушно заменила это слово другим.)

– Чего это врастопыр? – Дядя Миша виновато поджимал пальцы на ногах.

– А того, что если у человека пальцы на ногах не в кучку, а вразброс, то характер у него отвратительный! Та же история с волосами, ясно?

Дядя Миша косился на выбившиеся из пучка непокорные локоны матери и что-то бубнил себе под нос.

Так что если в свободное от романов время он ходил с развевающейся густой шевелюрой, то в период активных брачных игр первым делом коротко стригся.

Далее ему подозрительно часто начинал звонить начальник сборочного цеха Тигран Викторович. Дядя Миша прерывал его обильную речь скупыми односложными фразами и воровато озирался на кухонную дверь.

– Да, Тигран Викторович, – бубнил он, – естественно, Тиг-

ран Викторovich.

На кухне в это время неустанно бдела Ба. Она периодически подсылала Маню послушать, чей голос раздается в телефоне – мужской или женский? Но дядя Миша был стреляным воробьем, и, когда Маня как бы случайно проходила мимо, или лезла чмокнуть его в щечку, прикрывал трубку ладонью.

А еще дядя Миша покупал новые накидки для Васи.

– Будет мой Васидис нарядным, – приговаривал он, заботливо накрывая ими разодранные сиденья.

Ба следила за этой сценой тяжелым немигающим взглядом.

– Привинти еще хрустальную люстру к капоту, – хлопотала она.

– Захочу и привинчу, – огрызался дядя Миша.

На самом деле Ба напрасно волновалась – романы ее сына заканчивались так же быстро, как и начинались. Приводить в дом женщину, жизнь которой свекровь обратит в сплошную пытку, дядя Миша не собирался. Дамы, естественно, с таким положением вещей мириться не хотели и начинали закатывать истерики. А дядя Миша страсть как не любил истерик. Поэтому очередной его роман в скором времени сходил на нет.

Так и жил дядя Миша – в коротких пробежках от одной юбки к другой. И подобная ситуация устраивала всех: Ба оставалась единовластной хозяйкой в доме и с утра до ночи

пестовала сына и внучку, дядя Миша плавно перетекал из одного ни к чему не обязывающего романа в другой, а Манюня пребывала в твердой уверенности, что ее родители обязательно когда-нибудь помирятся. Ее даже не смущало, что тетя Галя вышла замуж и успела родить ей сводного братика.

– Всех к себе заберем, – твердо заявляла она.

– А как же Тетигалин муж? – любопытствовала я.

– Пусть и он с нами живет. Ба его усыновит, и у папы появится сводный брат. Подумай, как хорошо – у меня сводный брат, и у папы сводный брат. Красота!

А потом случилась история, которая на какое-то время разрушила размеренную жизнь семейства Шац. И об этой истории я сегодня намереваюсь вам рассказать.

Все началось с того, что в стоматологическое отделение папиной больницы определили молоденькую выпускницу Ереванского медицинского института.

– Женщина – челюстно-лицевой хирург, – скривился за обедом папа. – Эх, куда ее занесло, нет, чтобы в педиатрах или терапевтах отсиживаться!

Мама завелась с пол-оборота:

– Ты эти свои шовинистические речи где-нибудь в другом месте веди, ясно?

– Что ты понимаешь в профессии врача, женщина! – прогрохотал папа.

– Я понимаю, что уважение к женщинам у вас отсутствует напрочь. Вот что я понимаю. Почему бы вам тогда не пере-

жениться друг на друге, раз вас женщины так не устраивают? – сверкнула глазом мама.

– Носовой волос! – огрызнулся папа.

– Бердский ишак!

– Кировабадци!³

Пока мама с папой переругиваются, я вам быстренько объясню смысл выражения «носовой волос». Носовым волосом у нас называют чересчур придиричивых и въедливых людей. Такой человек подобен торчащему из носа волосу – портит экстерьер, но и выдернуть больно. А теперь вернемся к моим родителям, пока они не поубивали друг друга.

– Ах так! – встала руки в боки мама. – Вот ночью и посмотрим, кто из нас носовой волос. Понятно?

– Ну что ты сразу начинаешь шантажировать? – забеспокоился папа. – Жена, я же пошутил! И вообще девочка очень перспективная, умненькая и красоты неописуемой.

– Это как это? – нехорошо прищурилась мама.

– Такая, знаешь, словно горная серна, глаза миндалевидные, сама тоненькая, а ножки...

Мама не дала папе договорить – она выдернула у него из-под носа тарелку с недоеденным рагу и, выкинув ее в мусорное ведро, вылетела из кухни.

– Пап, ну ты вообще не умеешь себя правильно вести, –

³ Как мы помним из первой книги, так папа называл маму, когда у него заканчивались аргументы. Мама родом из Кировабада, а девушки из этого города славились своей капризностью и неуживчивым нравом.

вздохнула я и полезла доставать тарелку из ведра, – разве можно так с женщинами разговаривать?

– Только твоих нотаций мне не хватало, – выдохнул огнем папа, – яйцо курицу учит!

– Хихихии, – покатались мы со смеху, – тогда получается, что ты – курица!

– А всем сейчас зубы посмотреть на предмет кому завтра пломбы ставить? – рассвирепел папа.

Мы тут же притихли. Гаянэ набила рот картошкой и усиленно начала жевать.

– Когда я нем, я глух и ем, – прошепелявила она.

Папа еще раз прожег нас грозоточивым взглядом и пошел мириться с мамой.

– Надя, я не договорил, я же не просто так эту девочку хвалю. О Мише подумал...

– Чего о Мише? – мигом отозвалась мама.

– В смысле – с Мишей ее познакомить! Хорошая девочка, красивая, умненькая, правда, ереванка, ну да ладно, можно подумать!

– А чем тебя ереванки не устраивают? – снова взвилась мама.

Уж не знаю, действительно ли папа думал о дяде Мише, когда расписывал все достоинства молоденькой практикантки, или сочинил это на ходу, чтобы оправдаться перед мамой, но факт остается фактом – он их познакомил.

Девушку звали Луиза Тер-Маркарян, и она была самой

красивой из всех Луиз, когда-либо виданных жителями нашего городка.

На следующий день мы с Каринкой в ожидании Манюни ковырялись во дворе. Ковырялись в прямом смысле слова – рабочие прорыли большой котлован, чтобы сделать какую-то пристройку к дому, а мы, пока никого не было, перелезли через ограждение и, вооружившись лопатами, рыли яму в обмякшей после дождя земле.

– Сейчас придут рабочие и зададут вам трепку! – страшал нас из своего окна Рубик. Он побаивался спускаться во двор, пока там находилась Каринка, поэтому комментировал наши действия с безопасного расстояния.

Мы не обращали внимания на его крики. Ковыряться в набухшей после обильного ночного дождя земле было сплошным удовольствием – лопаты с хрустом вонзались в жирную почву, под ногами кишмя кишели дождевые черви.

– Ты, главное, не закидывай меня грязью, а то перемажемся, и мама нам задаст, – предупредила я сестру.

– Сама знаю, – буркнула Каринка и отшвырнула в сторону большой ком земли. При этом она так рьяно замахнулась лопатой, что оступилась, шмякнулась на попу и съехала в котлован.

– Ахахааа, – раздался сверху зловредный смех Рубика.

– Я потом тебя поймаю и убью, ясно? – огрызнулась вверх Каринка. Рубик захлебнулся в смехе.

– Протяни мне лопату, я зацеплюсь за черенок и вылезу, –

велела мне сестра.

– Зачем? – удивилась я. – Вон, на той стороне котлована рабочие соорудили ступеньки, можно по ним подняться.

Но Каринка не желала подниматься по ступенькам. Позор, пережитый на глазах Рубика, требовал реванша. Одно дело вылезти из котлована по лесенке, и совсем другое – зацепившись за лопату.

– Не хочу, – зашипела она, – ты просто протяни лопату, а я выберусь.

Я не посмела спорить с сестрой, протянула ей лопату, ну, и кончилось все тем, что и я съехала на попе в котлован. Теперь мы обе были перемазаны жирной грязью с ног до головы.

Безобразник Рубик мигом зашелся в истерике, аж совой звухал:

– Ахахааа, вот вам мама всыпет! Так вам и надо!

– Тебе недолго осталось смеяться, ясно? – крикнула ему Каринка. – Я вылезу, а потом закопаю тебя в этом котловане.

– Ты сначала вылез! – орал сверху Рубик.

– Готовься к смерти, – предупредила его сестра и попыталась стряхнуть мокрую землю руками. Зря она это сделала, потому что грязь размазалась теперь уже по всей одежде.

– Мама убьет нас, – пригорюнилась я.

– Можно подумать, первый раз она нас убивает. Давно пора бы к этому привыкнуть! – дернула плечом Каринка и пошла к ступенькам. Я горестно плелась следом. В туфлях ве-

село хлюпала грязь.

Только мы вылезли из котлована, как из-за угла появилась Манюня.

При виде нашей вымазанной грязью одежды у нее вытянулось лицо.

– Что же вы натворили, – запричитала она, – как же так?! А что тетя Надя скажет?

– Сама знаешь, что скажет, – пробурчали мы.

– Бедненькие вы мои, – расстроилась Манька, – здесь без трепки точно не обойтись. Давайте подождем, пока грязь высохнет, а там попробуем отколупать ее с одежды. В таком виде домой приходить опасно.

И мы стали ходить по периметру двора, потому что дружно решили, что в движении грязь высохнет быстрее. Потом к нам вышла Маринка из тридцать восьмой. При виде нас у Маринки сделались такие глаза, что мы с удвоенной скоростью припустили по двору.

Нарезать круги просто так было скучно.

– Давайте в магазин хотя бы сходим, – предложила Манька.

– Зачем? Денег у нас все равно нет.

– Ну и что? Просто поглазеем на витрины.

– А и верно, – обрадовались мы, – пойдем в новый продуктовый.

Новый продуктовый находился на первом этаже единственного девятиэтажного дома нашего городка. Все осталь-

ные дома были пятиэтажными и трехэтажными, и лишь этот вымахал аж в девять высоких этажей. К тому же только в этом доме ходили лифты! По первости весь город сбегался покататься на них. Но потом взбунтовались жители высотки, которым из-за большого наплыва посетителей приходилось тащиться на последние этажи с тяжелыми авоськами наперевес. Они организовали из боеспособных пенсионерок бригады быстрого реагирования, которые с криком и руганью отгоняли желающих покататься на дармовых аттракционах.

Кроме лифтов, девятиэтажка могла похвастаться большим продуктовым магазином. Туда мы и направились.

Перед продуктовым змеилась длинная очередь.

– Наверное, венгерских кур получили, – предположили мы. Такие бешеные очереди случались, если только завозили какие-нибудь импортные продукты. В остальные дни на прилавках плавилась огромные куски маргарина и халвы, слипшиеся комки щедро обсыпанных какао карамельных подушечек, а также спички, соль и большие куски хозяйственного черного мыла. У входа в магазин стояла большая металлическая бочка, из которой свисал длинный резиновый шланг. Люди приходили со своей тарой, и тем же методом, каким из бака машины, извините, отсасывают бензин, продавщица тетя Амалия разливала подсолнечное масло.

– Терпеть ненавижу, – ругалась она, отплевываясь ядрено пахнущим семечками маслом.

Сегодня очередь выглядела странно. Мы не сразу сообра-

зили, в чем дело, пока не подошли к ней вплотную. Обычно люди скучивались возле прилавка гомонящей крикливой толпой. А сейчас очередь распалась на две относительно смирные части – одна грудилась у прилавка, а вторая находилась от первой на расстоянии метра. И на этом спасительном метре одиноким островком выделялась фигурка испуганной девушки. Она прижимала к боку кожаную небольшую сумочку, нервно одергивала короткую юбку и озиралась на людей. Люди с любопытством разглядывали ее.

– Это кто? – бесцеремонно интересовался каждый вновь подошедший.

– Кажись, новая практикантка стоматологии, – хором отвечали люди. – По крайней мере, пахнет от нее стоматологическим кабинетом.

Девушка затравленно бегала по толпе глазами.

– Худая как щепка, какой из нее врач? К тому же горожанка, пф!

И очередь сокрушенно качала головой.

– У них в Ереване, видимо, материи мало, вот и шьют такие юбки. Срам прикрыл – и нормально, – бурлили старухи.

– А каблук-то, каблук! С такого, если свалиться, можно шею свернуть!

Казалось, еще минута, и девушка пустится наутек. Но тут к прилавку вышла тетя Амалия:

– По три пачки сливочного масла на рыло, и больше не просите! Велено по три пачки отпускать.

Очередь мигом сплотилась в единый крикливый монолит. Девушка попыталась пробиться к прилавку.

– Амалыя, – крикнули сразу несколько человек, – Амалыя! Отпусти этой ереванской девочке масла первой, пусть знает, что добрые люди и в провинции живут!

– Спасибо, – растрогалась девушка и, быстро расплатившись за масло, засеменила прочь.

– Не волнуйся, откормим, – крикнули ей вслед люди, – и материю для юбки длиннее найдем!

Девушка попыталась прибавить шаг, но высокие каблуки не давали ей этого сделать.

– Кстати, – заголосила очередь, – ты ведь у доктора Абгаряна практикуешься?

– Да, – обернулась девушка.

– Это его дочери.

– Которые? – Она с надеждой указала на Маньку и Маринку: – Эти?

– Нет, те, которые по уши в грязи.

Мы с Каринкой лучезарно улыбнулись. Девушка окинула нас затравленным взглядом и побежала прочь.

– Совсем дикая, – заключили люди, – городская, что с нее взять? Ничего, мы из нее быстро человека сделаем!

Так как грязь с наших платиц отколупываться не желала, мы покаянно вернулись домой. Ну и мама, естественно, сначала нас выпорола, потом выкупала до хрустального звона и одела во все чистое. Остаток дня, пристыженные, мы прове-

ли в благих трудах – убралась в своем письменном столе и чуть не покалечили друг друга за найденный в дальнем углу ящичка огрызок розовой резинки.

Потом с работы вернулся папа и за ужином рассказывал, что очередь на прием к новой практикантке тянется аж до регистратуры.

– Бедная девочка, – качал головой папа, – она который день ходит как в тумане.

– Почему? – удивилась мама.

– А где еще она увидит такое количество чабанов, спустившихся с гор специально для того, чтобы поглазеть на нее? Некоторые из них никогда не были у стоматолога и чуть ли не сами пломбировали зубы подручными средствами.

– Бедная девочка, – пригорюнилась и мама тоже. Она как никто другой понимала Луизу – сама прошла нелегкий путь городской девушки, попавшей в наш зубодробительный городок с его зубодробительными жителями.

А потом в больницу наконец-то выбрался дядя Миша, и судьбоносная, якобы случайная, встреча состоялась в папином кабинете. Дядя Миша был сражен наповал красотой Луизы и тут же потребовал, чтобы она вырвала ему зуб.

– Какой? – испугалась Луиза.

– Любой, – прорычал дядя Миша, – выберите любой и удаляйте без анестезии! Вам все можно!

На моей памяти это был единственный случай, когда дядя Миша потерял голову от любви. Вообще-то он считал себя

однолюбом и всю жизнь с особой нежностью вспоминал тетю Галю.

– Вот кого я действительно любил. А может, даже и люблю, – рыдал он в плечо папе, когда они, после очередных обильных возлияний, вели долгие разговоры на нашем балконе. – И если бы мама с Галей ужилась, то я до сих пор жил бы с нею душа в душу.

А тут случилось неожиданное – дядя Миша влюбился в тоненькую девушку с лежащей на длинных ресницах густой челкой. К сожалению, ответить ему взаимностью Луиза не собиралась. У нее был жених, и через два года кабальной работы в отдаленном районе она собиралась возвращаться в Ереван, чтобы не расставаться со своим любимым уже никогда.

– Значит, будем дружить, – усыпил бдительность Луизы дядя Миша, а сам подумал: «Отвоюем».

– Спасибо вам большое, – обрадовалась наивная Луиза, – это было бы очень кстати, потому что никого в этом... ммм... замечательном городе я не знаю, и здешних людей, если честно, побаиваюсь.

– Звери, а не люди, – сверкнул глазом дядя Миша.

Луиза благодарно затрепетала в ответ.

– Какие у вас кудри чудесные!

«Будет моей», – решил дядя Миша.

Первым делом он повел ее в кино, на «Пиратов XX века». Луиза чуть не скончалась при виде воинственной провинци-

альной толпы, штурмом берущей кинотеатр. Дядя Миша за-слонил ее своим могучим плечом и, прокладывая через толпу спасительную тропу, довел ее в целости и сохранности до кресла.

«Какой храбрый», – подумала с благодарностью Луиза.

«Кажись, пиджак сзади разошелся по шву, – закручинился дядя Миша, – по крайней мере, трещал он будь здоров».

Потом дядя Миша пригласил Луизу в наш краеведческий музей. А чтобы усыпить бдительность Ба, взял с собой меня и Маньку, предварительно заставив поклясться, что о чужой тете мы не проговоримся.

Пока дядя Миша, активно жестикулируя, пугал Луизу своими энциклопедическими знаниями о шумерах и Древней Иудее, мы с Маней ходили вдоль стендов с глиняными черепками и читали по слогам:

– 78 год д. н. э. 101 год д. н. э. 50 год д. н. э.

– Пап, а где это дно, откуда все эти сломанные кувшины достали? – не вытерпела Маня.

– В смысле? – удивился дядя Миша.

– Ну, тут везде написано – такой-то год, а рядом – «дне», вот я и спрашиваю, о каком дне тут говорится?

– Ахахааа, – залилась колокольчиком Луиза.

«Выпорю, чтобы больше меня не позорила на людях», – решил дядя Миша.

Потом он пригласил девушку в местный ДК на спектакль «Король Лир». После спектакля пришлось какое-то время

выгуливать Луизу по скверу, чтобы она могла прийти в себя от культурного шока. Как назло, на днях дядя Миша сильно простудился и поэтому хлюпал носом.

– Апчхи, – элегантно чихал он в очередной клетчатый платок и выкидывал его в урну.

«Аристократ!» – решила Луиза.

«Дегенерат, – подумал дядя Миша, – последний платок выкинул, куда мне теперь сморкаться, в полу пиджака?»

Луиза глядела из-под густой челки дивными миндалевидными глазами и трогательно поправляла на плече лямку простенького сарафанчика. Шлеп-шлеп – стучали по ее изящным пяточкам деревянные сабо.

– Мне их мама из Болгарии привезла, – рассказывала она. – Сабо легкие и очень удобные, на пробковой танкетке.

При слове «мама» дядя Миша заметно напрягся.

– Не будем о грустном, – промышчал он и спохватился: – То есть я куплю вам сто таких танкеток!

Особенную стойкость Луиза проявила при первом знакомстве с Васей.

– Карета подана, – смущенно отрапортовал дядя Миша, с диким грохотом открывая пассажирскую дверцу. На передних сиденьях красовались новенькие пледы.

– Прекрасная карета, – засмеялась Луиза, – я прямо Зо-лушкой себя ощущаю.

«Назовем сына Аарон, – решил дядя Миша, – и мать мигом отгадет».

Казалось – все уже на мази. Дядя Миша достиг совершенства в искусстве флористики, составляя удивительные букеты из полевых цветов, выдранных с мясом чаг, домашних роз и еловых шишек. Луиза смущенно алела щеками и позволяла взять себя под локоток, когда он в очередной раз забирал ее с работы на своем драндулете. Васе новая пассажирка тоже очень нравилась – он вел себя как настоящий джентльмен, заводился от одного Дядимишиного взгляда и готов был без бензина за рекордно короткий срок покрыть расстояние от Земли до Луны.

Ба подозревала, что в жизни сына происходит что-то из ряда вон выходящее. Она приперла маму к стенке, и та рассказала ей, что у Миши в жизни появилась хорошая девушка, очень хорошая, тетя Роза, интеллигентная, врач, воспитанная, умненькая, правда, не еврейка, а совсем наоборот, армянка.

– Хрен редьки не слаще, – после минутного молчания изрекла Ба.

На семейном совете родители решили, что слова Ба, учитывая ее оголтелое отношение к своим корням, можно трактовать как высочайшую степень похвалы нашему народу.

– Хо-хо, – обрадовался папа, – так и до свадьбы недалеко!

А потом случилось непредвиденное – осенним днем в наш городок въехала черная «Волга» и забрала Луизу прямо с работы в Ереван. Оказалось, что ее жених, заподозрив неладное, похлопотал в каких-то инстанциях и сделал так, чтобы

остальную стажировку его невеста проходила в столице. И Луиза безропотно уехала, бросив на прощанье папе:

– Передайте Мише мои наилучшие пожелания.

Сейчас я понимаю, что, скажи Луиза любые другие слова, и дядя Миша поехал бы за ней хоть на край света. Но эти безразличные «передайте Мише мои наилучшие пожелания» сделали свое черное дело – дядя Миша молча собрался и уехал в наш домик в горах. Горевать.

Горевал он зло и недолго, дня три, потом еще дня три отходил от тутовки мацуном⁴.

Вот тогда папа и заработал подзатыльник. Со словами: «Тоже мне, сваха нашлась», – Ба выбила из его глаз Млечный Путь со всеми его звездными системами. Это был единственный раз, когда папа познакомил своего друга с девушкой. «Никогда больше такую какашку не покушаю»⁵, – поклялся он.

Через какое-то время все вернулось на круги своя. Дядя Миша возобновил короткие пробежки от одной юбки к другой. Периодически, когда взбрыкивал его мужской гонор, он не приходил домой ночевать. Ба тогда по горячим следам устраивала ему мировой катаклизм.

А Маня продолжала мечтать, как ее мама, уже с двумя сыновьями и мужем, переедет в Берд.

⁴ Тутовка – тутовая водка. Мацун – кисломолочный продукт.

⁵ Подстрочный перевод армянской фразы, означающей «никогда больше на те же грабли не наступлю».

– И заживем мы большой дружной семьей, – строила планы она.

И только о Луизе никто больше не вспоминал. То есть вспоминали, конечно, но не говорили о ней, чтобы не расстраивать дядю Мишу.

Глава 3

Манюня идет на премьеру «Отелло», или Как мы однажды чуть не попали в телевизор

Мама всю жизнь мечтала переехать в Ереван.
– Сколько можно жить в этом богом забытом городиш-

ке? – возмущалась она.

– Сколько нужно, столько и можно, – отрезал папа. – Если вся интеллигенция уедет из провинции, что с нею станет?

Каждый раз, когда папа так говорил, мы с Каринкой украдкой переглядывались.

– Пап, а «сколько нужно, столько и можно» – это сколько? – как-то спросила я.

– На веки вечные!

Хо-хо, на веки вечные! Это же вся жизнь и еще кусочек непостижимого для нас времени! Сто мильон, нет, сто миллиард титильон пистильон лет!

– Тебе в Москве работу предлагали, ты не поехал. Уперся – я и мои горы! – У мамы от возмущения срывался голос, а лоб предательски краснел. Мы по маминому лбу вычисляли степень ее раздражения. Чем сильнее расстраивалась мама, тем краснее становился ее лоб. – Ладно, в Москву уезжать не захотел, остался в Армении. Ну так давай переедем в Ереван. Я хочу ходить в театры! Я обожаю балет! Мне не хватает моего любимого Дома Камерной Музыки!

– Ходи в наш Дом культуры. Чем не театр? Там тоже спектакли ставят. Вон, судя по афишам, скоро премьера «Отелло».

– Ты знаешь, кто играет Дездемону? – Мамин лоб запылал огнем. – Люся!

– Сто кило живого веса для Дездемоны – это, пожалуй, перебор, – расхохотался папа.

Афиши не обманули, через неделю в ДК случилась премьера «Отелло», которая прошла, как и следовало ожидать, с оглушительным успехом. Заинтригованные жители нашего городка пришли поглазеть, как главный режиссер БДТ Мелик Каспарьян будет убивать свою законную супругу, мать троих детей Лусинэ Петросян. БДТ, между прочим, это не то, что вы подумали. БДТ – это Бердский Драматический Театр. На самом деле такого театра в природе не существовало, но с папиной подачи все наши знакомые с хохотом называли театральную труппу нашего Дома культуры БДТ.

Билетами на премьеру нас обеспечил дед, папин папа. Театр выделил работникам райкома и членам их семей самые почетные места в партере.

– Надя, – позвонил дед, – мне тут четыре билета принесли на «Отелло», пойдете?

– Мы не пойдем, но дети сходят, хоть какая-то польза для общего развития. А меня на наш доморощенный спектакль не заманишь!

– Эх, дочка, ты не застала Папазяна в роли Отелло. А мне вот довелось насладиться его прекрасной игрой на сцене Сундукяновского театра...

И мама с дедом минут пять вздыхали, вспоминая спектакли прославленных столичных театров.

– Сегодня часам к шести я завезу вам билеты, – обещал дед.

Но заехал он намного раньше. А мама в это время щего-

ляла по дому в новом французском купальнике, приобретенном у фарцовщика Тевоса за бешеные пятьдесят рублей.

– Вашему папе скажу, что за двадцать взяла, а то он ругаться станет, – решила она. – Деньги в рассрочку заплачу, уже договорилась с Тевосом. Зато в следующий раз, когда мы поедем на море, мне не стыдно будет показаться на пляже.

Купальник был раздельный, очень красивого бирюзового цвета и завязывался тесемками на талии. Мама уже битый час ходила в нем по дому и, каждый раз проходя мимо зеркала, цепляла свое отражение довольным взглядом.

– Французы говорят, что красивая женщина – это роскошные волосы, высокая грудь и длинные ноги. Значит, я – красивая женщина, – приговаривала она.

Мы неотступно следовали за мамой и дико ревновали ее к купальнику в частности и к французам в целом.

– Но ты все равно наша мама, а не чья-то другая мама, пвяильно? – не вытерпела Гаянэ.

– Ну конечно, – мама обняла нас и поцеловала в макушки, – вы мои самые любимые девочки!

И тут раздался звонок в дверь. Мама заметалась по комнате в поисках платья.

– Кого это черти принесли? – ворчала она.

Гаянэ побежала открывать дверь.

– Ма-ам, – крикнула она из прихожей, – это дедушку и дядю Леву черти принесли.

– О господи, – запричитала мама, кое-как влезла в платье

и выскочила встречать свекра и деверя.

– Мы на минутку, – рассмеялся дед, – билеты привезли.

– Вы извините Гаянэ, – неловко оправдывалась мама, – сама не понимает, что говорит. Поесть хотите? У нас сегодня борщ.

– Нет, мы уже поели, но от кофе не откажемся, – хором ответили мужчины.

Через несколько минут мама внесла в гостиную поднос с дымящимися чашечками. Дядя Лева задвигал на журнальном столике вазу с фруктами и книги, чтобы освободить место. Мама осторожно наклонилась, чтобы поставить чашечки на стол... и тут случилось такое, о чем она потом долго не могла вспоминать без содрогания.

Когда мама наклонилась и оказалась в самом, так сказать, незащитном положении, Гаянэ подскочила к ней, подцепила подол ее платья, задрала высоко вверх и крикнула:

– Деда, посмотри, какая у мамы зятница красивая! Как хранцузы любят!

– Хэх, – крикнул дед и густо покраснел. Мама выронила на столик поднос и резко обернулась.

– Гаянэ, ну как так можно! – возмутилась она.

– Мы ничего не видели, – зачастил дядя Лева. – Не переживай, Надя. И вообще нам уже пора, да, отец?

– Да-да, – засобирався дед, – мы ведь только билеты отдать заехали. Надя, – он упорно смотрел себе под ноги, – в конверте сто рублей, знаю, что денег у вас совсем мало. Купи

детям что-нибудь из одежды. И я тебя очень прошу, не говори ничего Юре, а то он снова кинется мне их возвращать.

– Спасибо большое, – растрогалась мама.

И гости, пряча глаза и не откушав кофию, отбыли восвояси. Дядя Лева потом шутил, что дед никаких денег давать не собирался, но зрелище, открывшееся его взору, заставило его раскошелиться.

– Поклянись, что не врешь, – кипятился дед.

– Не буду я клясться, – отмахивался дядя Лева.

– Вот и нечего тогда небылицы рассказывать, – обижался дед.

– Как тебе не стыдно, – долго потом отчитывала свое отражение в зеркале Гаянэ, – мамину зятницу можно показывать только тетечкам, а дядечкам нилизя-а!

На «Отелло» нас повела Ба. Ни мама, ни папа, ни дядя Миша идти на премьеру не захотели.

– О чем будет спектакль? – пытали мы Ба за день до похода в театр.

– О том, как Отелло задушил свою жену Дездемону.

– За что?

– Не за что, а почему. Потому что был ревнивым самодуром.

– Ах-ах, – закатила глаза Манюня, – вон оно как бывает в семейной жизни! Чуть что – и тебя задушили!

Ба мелко затряслась от смеха. Манька, довольная тем, что заставила бабушку смеяться, крепко-накрепко обняла ее.

– Ух тыыы, – прогудела она, – у тебя в животе что-то перекатывается, я слышу.

– Это мои нервы перекатываются, – хмыкнула Ба.

Пока моя подруга прислушивалась, как в животе у Ба перекатываются нервы, я усиленно размышляла. Мне не давало покоя имя героини пьесы.

– А почему нельзя было назвать ее Ангелиной? Или Анжелой? – наконец спросила я.

Ба с минуту сверлила меня своим фирменным немигающим взглядом. Душа моя тренькнула и ушла в пятки.

– Кого? – наконец спросила она.

– Ну эту... Бездемону.

– Когоооо? – выпучилась Ба.

– Бездемону. Что это за имя такое «без демону»? Лучше сразу назвать человека Ангелиной, разве нет?

Ба всплеснула руками и расхохоталась. Нам с Манюней было непонятно, чего я такого смешного сказала, но на всякий случай мы подобострастно захихикали в ответ.

– Хи-хи-хiiii, – смеялась Манька, – ну ты, Нарк, даеooooшь. Скажешь тоже, Ангелина! Смешно, да, Ба?

Ба наконец отсмеялась, утерла выступившие слезы, поцеловала меня в щечку и пошла звонить маме.

– Надя, помяни мое слово, – грохотала она в трубку, – твоя дочь станет великим открывателем. Это надо же такое придумать, Бездемонаааа!

– Нарк, а что ты такого смешного сказала? – шепнула мне

Манька.

– Сама не знаю, – развела я руками.

На премьере в зале было не протолкнуться. Стокилограммовая Люся театрально закатывала глаза и заламывала руки, а в особенно торжественные моменты хрустела суставами пальцев. Белокурый мелко завитый парик был ей явно мал и периодически съезжал набок. Тогда Люся, не прерывая монолога, уходила за кулисы, чтобы привести себя в порядок.

– Мужчины, ах, мужчины, чудаки! Скажи, Эмилия, ты допускаешь, что среди замужних женщин могут быть обманщицы такие? – вещала она, кряхтя, из-за сцены.

Отчаянно нагуталенный Отелло метался в опасной близости от рампы и в порыве дикой ревности грозно щерился то на Эмилию, то на Кассио, а то вообще на третьего секретаря райкома, сидевшего по правую руку от Ба.

– Кхм-кхм, – волновался третий секретарь райкома. Ба на каждый «кхм» раздраженно косилась на него и остервенело обмахивалась пластиковым веером.

В какой-то момент безостановочных метаний с уха Отелло слетела тяжелая серьга и покатилась по сцене.

– Не нагибайтесь! – крикнул Яго и, подняв серьгу, собственноручно нацепил ее на ухо Отелло.

– Благодарю! – не растерялся Отелло.

– Каспарьяна, наверное, радикулит разбил. Вот Яго за него и нагибается, – зашептал кто-то сзади.

Вообще народ очень бурно реагировал на действие, развер-

нувшееся на сцене. В волнующий момент убийства Дездемоны люди в зале повскакали с мест.

– Она не виновата! – крикнула одна особенно впечатлительная зрительница.

– Мужик у лучше знать, – зашикали на нее мужчины.

Мы с Маней выплакали себе все глаза.

– Какая несправедливость! – перешептывались мы. – Почему он поверил Яго, а не Дездемоне!

Каринка весь спектакль сидела со скучающим видом и оживилась, только когда Отелло полез душить Дездемону.

– Слабак, – фыркнула она, – придушить нормально ее не смог, пришлось потом еще ножом закалывать!

И, пока Дездемона лежала на смертном одре с кинжалом под мышкой и, будучи бесповоротно мертвой, вздымалась грудью на весь зрительный зал, Каринка напряженно ждала, когда же с кровати закапает кровь. Так и не дождавшись крови, сестра фыркнула и окончательно разочаровалась в спектакле.

– Постановка дрянь, – при выходе из театра вынесла вердикт Ба, – но как Люся хрустела пальцами! Аж уши закладывало. Ей определенно нужно показаться врачу.

Выслушав наш отчет о спектакле, мама принялась с удвоенной силой уговаривать отца переехать в Ереван.

– Юра, я хочу для своих детей лучшего будущего. Театры, концерты, картинные галереи... – перечисляла она.

– Женщина, – прогрохотал папа, – у тебя есть два вари-

анта: или живешь со мной в Берде, или со мной – в Берде. Выбирай.

– Неуступчивый бердский ишак! – рассердилась мама.

– Кировабадци! – не остался в долгу отец.

А потом в наш город приехали телевизионщики первого канала Армении. Снимать фильм о жизни провинциального городка и его жителей. Сначала они отсняли интервью с первым секретарем райкома, а потом попросили посоветовать им семью, о которой можно снять небольшой сюжет.

– Нам такую семью, которую не стыдно было бы на всю республику показать, – предупредили они.

– Есть у нас на примете хорошая семья. Многодетная, интеллигентная, а главное – уважаемая. Одну минуточку, – первый секретарь райкома поднял трубку, – Драстамат Арутюныч, как ты думаешь, согласится твой Юрий сняться для телевидения? Ну что ты сразу пугаешься? Сына, говоришь, хорошо знаешь? Откажет, говоришь? Тебе откажет, а мне не откажет, я его с пеленок знаю. Ну и что, что ты тоже его с пеленок знаешь! Ты отец, а я как-никак дядя Арменак. – Сегодня погуляем, туда-сюда, – положил трубку Арменак Николаич, – попробуете нашей кизиловки⁶, шашлыков на свежем воздухе покушаете. А завтра, часам к пяти, поедете домой к Юрику.

– Нам бы лучше с раннего утра к ним заехать, – подал

⁶ Кизилровка – семидесятиградусная водка из ягод кизила. Неискушенного дегустатора убивает одним своим запахом.

голос доселе молчавший молоденький оператор, – снимать долго.

– Тебя как зовут, сынок? – ласково обратился к нему Арменак Николаич.

– Альберт.

– А по батюшке?

– Альберт Сергеевич, кхм, – заволновался оператор.

– И родился ты в Ереване, да, сынок? И далее Араратской долины никуда не выезжал, да? И от мамкиной титьки недавно оторвался, да, Альберт Сергеевич?

Альберт Сергеевич вспотел, как мышь под метлой. Он испуганно заерзал на стуле, забегал глазками, сцепил руки в замок и инстинктивно прикрыл единственно важный, по мнению любого мужчины, орган. Арменак Николаич снисходительно проследил за манипуляциями бедного оператора и хмыкнул:

– Я на тебя, Альберт Сергеевич, с раннего утра посмотрю. После кизиловки.

* * *

В тот же день нам позвонила секретарша Арменака Николаича Кристина и предупредила о визите телевизионщиков.

Мама заволновалась. «Вот оно, – подумала она, – сегодня нас снимут на камеру, завтра покажут по телевизору, а послезавтра, глядишь, и в Ереван переедем».

Она окинула взглядом квартиру.

– Так. Помыть полы, протереть пыль, убрать с глаз долой корзинку с недовязанным свитером, заставить Наринэ доучить полонез Огиньского, заставить Каринэ дорисовать... что тут ребенок изобразил? – Мама повертела в руках рисунок. – Натюрморт с баклажаном и клубникой, надо же, какой интересный набор. Так, что еще надо успеть сделать? Испечь торт, украсить его ягодами... Ягоды!

Мама кинулась к телефону.

– Тетя Роза, к нам завтра телевизионщики придут. Снимать нашу семью. Нет, Юра еще не знает. И не узнает до последнего. Пусть люди приходят, а там я его перед фактом поставлю. Ну не выгонит же он их из дома! Тетя Роза, можно у вас немного замороженной малины попросить? Я хочу испечь торт, а украсить его совсем нечем. Хорошо, спасибо.

Через полчаса Ба была у нас. В одной руке она держала плетеную корзинку, а другой придерживала за шиворот Манюню. Манька отчаянно вырывалась и норовила припустить вперед на космической скорости.

– Тетьнадь, а можно я тоже буду вашей дочкой? – выдохнула она с порога.

– Можно, – рассмеялась мама.

– Ура! – запрыгала Манька. – Меня тоже покажут по телевизору!

– Ура! – обрадовались мы. – Нас всех по телевизору покажут!

К тому времени мы уже развили бурную деятельность, чтобы завтра блеснуть перед камерой всеми своими талантами.

– Жаль, – в спешном порядке дорисовывала натюрморт Каринка, – если бы знала, что нас снимать придут, нарисовала бы картину «Всадник без головы». Нарка бы наигрывала какой-нибудь скучный ноктюрн, а я в это время медленно внесла бы в комнату картину. А там конь, а на коне человек. Без головы. Вот бы мы их напугали! Они бы камеры побросали и убежали.

Манька села разучивать со мной полонез.

– Раз-и-два-и, раз-и-два-и, – подбадривала она меня и периодически хлопала по руке. – Ну сколько можно тебе напоминать, чтобы ты руку «яблочком» держала?

Ба выгрузила на кухонный стол банку сгущенки, сухофрукты, малину, лимоны, две пачки тыквенных семечек, банку красной икры, банку греческих маслин.

– Куда столько? – испугалась мама. – Тетя Роза, вы опять за свое?

– Икру детям, – предупредила Ба, – остальное – оглоедам с телевидения. И не делай мне мозг, Надя, лучше давай я тебе помогу.

И на кухне закипела работа. Мама с Ба споро взбили воздушное бисквитное тесто, пожарили и намололи кофе, приготовили крем.

Потом они заварили чай и сели немного отдохнуть.

– Все успеешь, не переживай, – громко отхлебнула кипятка из большой чашки Ба, – вот только как с Юрой быть?

Мама тяжело вздохнула.

Дело в том, что папа был совсем непубличным человеком.

– Только этого не хватало, чтобы я, словно тифлисский кинто⁷, людей развлекал, – отмахивался он, когда ему предлагали принять участие в каком-нибудь мероприятии. – Я скромный человек, и все эти публичные дела не для меня!

– Предупреждать его не буду, – решила мама. – Когда люди завтра придут, я им кофе налью, тортом угощу, а там Юра с работы вернется, и ему ничего не останется, как безропотно сняться для фильма.

– Ну-ну, – хмыкнула Ба.

Мама допила чай, убрала чашку со стола, а потом заглянула в духовку. Вытащила корж и невольно залюбовалась им. Бисквит получился легким, воздушным и пах лимонной цедрой.

– Вот видите, тетя Роза, – повернулась к Ба мама, – главное – настраиваться на хорошее. Когда думаешь о хорошем, то все складывается как надо.

* * *

Назавтра, как было обещано, часам к пяти прибыли те-

⁷ *Кинто* – в Грузии торговец или мужчина без определенного занятия, весельчак, балагур и плут.

левизионщики. Только почему-то они приехали не на своем «УАЗике», а на автомобиле Арменака Николаича. Водитель бережно выгрузил ереванских гостей вместе с телевизионным скарбом возле подъезда и сопровождал их под ручку до нашей входной двери.

– Я внизу, если что, зовите, – предупредил он маму.

Мы, разодетые в пух и прах, заинтригованно наблюдали за тремя бледными на вид мужчинами, которые, вежливо поздоровавшись в пространство, по стеночке проследовали в гостиную. Смотрели они так, словно боялись лишний раз моргнуть, а чтобы глянуть вбок, вертели не шеей, а поворачивались всем туловищем.

– У нас блинчики с мясом, я сейчас пожарю, – ринулась на кухню мама.

– Оооо, – простонали телевизионщики, – нам только кофе. Горький и крепкий.

– Не хотите блинчиков, тогда попробуете моего фирменного торта с безе и малиной.

– Оооо, – еще горше застонали телевизионщики, – мы вчера поели шашлыков и выпили кизиловки, а потом нас накормили хашламой. И снова поили кизиловкой. Насильно.

– А когда закончились все положенные по случаю тосты, стали пить за здоровье каждой ветки раскинувшейся напротив яблони. Ни одну ветку не пропустили, – заплакал молодой оператор.

И тут с работы вернулся папа. И сказал: «Здравствуйте, а

что это за провода у нас в коридоре валяются?»

– Юра, – затрепетала мама, – это телевизионщики, они будут снимать сюжет о нашей семье.

– Телевизионщики – это хорошо, – хмыкнул папа и достал из холодильника большую бутылку тутовой водки. – Надя, накрывай на стол.

– О нет, – простонали гости из Еревана.

– Поздно, – откупорил папа бутылку, – сейчас покушаем, заодно обсудим, с чего это вы взяли, что я буду сниматься в вашем фильме.

Вот так мы и не попали в телевизор. Да и фильм о городке Берд не появился на экранах. Только в новостях показали маленький сюжет, где Арменак Николаич, шевеля густыми бровями и глядя куда-то мимо камеры, важно говорил:

– Приезжайте к нам, у нас очень гостеприимные и хлебо-сольные люди. И я гарантирую, что вы навсегда запомните наш благодатный край.

Судя по тому, что с телевидения никто больше не приезжал, поездку в наш благодатный край телевизионщики таки запомнили навсегда.

Глава 4

Манюня – композитор, или Сказ о том, как Мария Михайловна с Наринэ Юрьевной поцапаться изволили

Ноябрь в том году выдался солнечным и очень теплым. Двадцать градусов, даже по меркам южной осени – это много. Природа еще буйствовала разноцветьем листвы, а небеса уже по-зимнему унеслись ввысь и казались пронзительно звонкими. Огромные звезды, которые летом переливались прямо над головой, хочешь – протяни руку и зачерпни горсть, застыли в далекой небесной дали. Солнце превратилось в большой багровокрасный шар. На закате, словно в нерешительности, оно ненадолго зависало над синими холмами полотном Сарьяна, а потом стремительно уходило за горизонт. Сутки напролет над городом пролетали стаи птиц. Они кричали дивными голосами, прощаясь с северной стороной.

Не за горами были холода.

Папа всегда был очень теплолюбивым созданием и отчаянно ненавидел зиму. Если 22 июня люди радовались самому длинному дню в году, то он ходил мрачнее тучи и бурчал: – День пошел на убыль, скоро холода.

С наступлением осени он ежедневно оповещал наше семейство, на сколько минут сократился световой день.

– Солнце взошло в шесть часов пятнадцать минут, а зайдет в двадцать сорок семь, – замогильным голосом говорил он. – Минус семь минут!

Мы скорбно кивали в ответ. Наши постные мины утешали отца, но ненадолго. Через некоторое время он опять принимался жаловаться на неминуемое наступление холодов.

Вот и сейчас папа остервенело листал журнал по медицине и, периодически выглядывая в окно, вздыхал:

– Завтра уже зима!

Мы с Каринкой в спешном порядке доделывали уроки. Времени было в обрез – к пяти часам надо было успеть вскарабкаться на крышу гаража сорок второй квартиры, откуда двор просматривался как на ладони. Дело в том, что в четвертом подъезде сегодня играли свадьбу – тетя Эля женила своего единственного сына Григора. И нам очень хотелось увидеть, как свадебный кортеж въезжает во двор.

– Нарка, – минут десять назад предупредила меня по телефону Манюня, – остались две задачи по математике. Доделываю и бегу к вам, без меня во двор не выходите.

– Не выйдем, ждем, – заверила я и помчалась в кабинет.

– Манька скоро будет, – зашептала я сестре.

– Пятью семь... пятью семь... двадцать восемь! – зачастила Каринка. – Нет, тридцать пять. Да что же это такое, – воскликнула она, – какой идиот придумал таблицу умножения?

– Тот же идиот, который зиму придумал, – не растерялся папа.

Мама сидела в кресле и, натянув на лампочку носочек Гаянэ, штопала пятку.

– Юра, посмотри, какой день погожий, при чем здесь зима? – не вытерпела она.

– Женщины, что с вас взять! Вы не умеете видеть в перспективе, радуетесь только сегодняшнему дню, а мы, истин-

Мы сконфуженно молчали.

Дело в том, что в прошлую субботу папа с дядей Мишей вернулись домой совсем навеселе – отмечали развод Дядимишиного заместителя. Это было очень примечательное возвращение: сначала во двор вкатилась папина «копейка», потом оттуда вылезли наши мужчины, зачем-то минут десять с умным видом заглядывали под капот машины, а потом долго скреблись в чужой гараж. Папа шуровал в замке ключами, а дядя Миша покачивался рядом и бурчал: «Дай мне ключ, я сам отк... открою, безрукий ты человек, ик». Мы с замиранием сердца наблюдали за ними из-за занавесок.

– Да что же это такое, – кипятился отец, – замок сломался, что ли?

– Юра! – не вытерпев, мама высунулась в окно.

Папа с дядей Мишей одинаково выпятили грудь, подобрали попы и, напустив на себя независимый и по возможности трезвый вид, повернулись к дому передом, к гаражам задом. Долго пытались сфокусироваться на окне, из которого выглядывала мама. Наконец это им удалось. Папа пожевал губами и любезно отозвался:

– Чего тебе, женщ-щина?

– Посмотри направо!

– Зачем направо, настоящий муж-чина должен смотреть налево! – запетушился дядя Миша.

– А потому, настоящие мужчины, что наш гараж находится справа, а вы скребетесь в гараж двадцать девятой кварти-

ры!

– Ничего мы не скребемся, мы покурить тут встали, – буркнул папа и достал из кармана пачку сигарет.

Они с дядей Мишей сначала демонстративно покурили и только потом открыли двери нашего гаража. Папа сел за руль, чтобы припарковать машину.

– Юра, – суетился перед капотом дядя Миша, – смотри мне в глаза, я тебе ук... указываю путь!

Мы в диком волнении наблюдали из-за штор, какие невероятные зигзаги выписывает отец, чтобы заехать в гараж. Дядя Миша метался между двумя лучами от горящих фар и указывал другу путь очами.

– Глаза в глаза! – выкрикивал он. – Юра, не отрывайся от моих глаз.

– Придавит на хрен, – не выдержала Каринка и тут же получила подзатыльник от мамы. – Мааааааа, а чего я такого сказала?!

– Не смей так об отце говорить!

– Я даже не знаю, кого касался этот «на хрен», папы или дяди Миши, – потерла затылок Каринка.

– Вот за обоих и получила! И вообще не смей так говорить.

С восьмого раза, чуть ли не вышивая маршрут парковки крестиком («кха-кха», – обиженно кряхтел «жигуленок»), папа таки заехал в гараж, и они с дядей Мишей, обнявшись, нетвердой походкой пошли к подъезду. Мы побежали откры-

вать им дверь.

– Дядя Миша, вы сегодня будете у нас ночевать, да? – спросила я.

– Уй, Нариночка, и ты здесь? – обрадовался дядя Миша.

– А где мне быть? Это же мой дом!

– Да-а? – казалось, дядя Миша сильно озадачен моим ответом.

– Конечно, останется. Он же не хочет, чтобы Ба его побила, – хмыкнула Каринка и тут же огребла второй подзатыльник, теперь уже от папы.

– Да что я такого сказала? – заорала она.

– Не смей так о взрослых говорить!

– Можно подумать, я соврала или сказала «на хрен»! – обиделась сестра.

Конечно же, Каринка не соврала. По негласному правилу, установленному между нашими домами, если дядя Миша позволял себе выпить лишнего, то ночевать приходил к нам. Негласное правило называлось «чтобы мать не выела мне мозг». К слову, это правило спасало не только Дядимишин, но и папин мозг, потому что нашей маме было неудобно ругать мужа при посторонних. И ей ничего не оставалось, как безропотно носить мужчинам кофе на балкон, где они курили и разглагольствовали на разные темы. Вот в прошлую субботу, обрадованный маминой покладистостью, папа и расщедрился на обещание:

– Жена, в следующие выходные я покрашу перила, а то

они совсем облезли.

– Прально, – похвалил друга дядя Миша.

– Я потом напомню о твоём обещании, – хмыкнула мама.

– Не надо мне напоминать, я что, склеротик?

И теперь папа сверлил нас своими большими зелеными глазами и требовал справедливости.

– Семью восемь, – мигом закатила глаза Каринка, – семью восемь...

– Пусть ответит Наринэ, она моя старшая дочка и никогда меня не подведет, – с нажимом выговорил папа. Каринка тут же бросила зубрить таблицу умножения и уставилась на меня.

Я вздохнула. Молчать более не представлялось возможным, перст судьбы указал на меня.

– Пап, – заблела я, – ты действительно обещал покрасить перила! – и, видя вытянувшееся лицо отца, поспешно добавила: – Но не все, а через одно!

– Ха-ха! – подскочила мама. – Видишь? Придется красить!

– Захрмар⁸ вам, – прогрохотал папа, – для чего я всю жизнь на врача учился? Чтобы сейчас маляром работать? Но ничего, талантливый человек талантлив во всем! Несите ваши краски!

Мы хотели понаблюдать за тем, как папа красит перила,

⁸ Это колоритное ругательство происходит от «захре мар», что в переводе с фарси означает «змеиный яд».

но тут примчалась Маня.

– На крыше сорок второго гаража яблоку негде упасть, – заявила она с порога.

– Придется в толпе локтями шуровать, – пригорюнились мы.

– Девочки, вы в толпе ничего не увидите, лучше выглядывайте в наши окна, сверху обзор лучше, – предложила мама.

Мы хотели возразить, что с нами будет Каринка, а там, где Каринка, места в первом ряду партера нам обеспечены, но тут послышались гудки, и мы побежали к окнам.

Во двор торжественно въезжал свадебный кортеж. Машин было пять, и в самой роскошной – новенькой белой «шестерке», привезли невесту. За «шестеркой» следовали две «копейки», один раздолбанный «Виллис», и замыкал процессию отчаянно тарахтящий «Запорожец». Все машины были украшены разноцветными лентами и воздушными шарами, а на капоте шестерки красовалась большая кукла в белом платье и развевающейся фате!!!

– Ух тыыыы! – выдохнули мы.

– Если бы мы спустились вниз, то я бы точно до этой куклы добралась, – расстроилась Каринка.

– Зачем она тебе? Ты же не играешь в куклы!

– Да мне просто интересно, каким образом они ее к капоту прикрепили.

Я хотела предположить, что куклу, возможно, просто приклеили, но тут грянула громкая музыка – забарабанили

доолы, выдохнул аккордеон, заверещала зурна – это маленький оркестр музыкантов вышел из подъезда встречать новобрачных. Люди, обступившие нарядную «шестерку», заволновались и отодвинулись, потому что к машине приближалась новоиспеченная свекровь. Она несла на плече завернутый в рулон небольшой ковер.

– Тетя Эля, давай поможем, – кинулись к ней зеваки.

– Я сама, – пропыхтела тетя Эля.

Она доковыляла до машины, расстелила ковер возле ее задней дверцы, смахнула пот со лба и властным жестом остановила музыкантов. Зурна захлебнулась в крике, аккордеон захрипел и выдохнул мехами «ш-ш-ш-ш».

– Выхооооо-ди! – скомандовала тетя Эля.

«Ыяааааа», – со скрипом распахнулась дверца «шестерки», и на ковер шагнула тоненькая невеста. «Куда уходит детство», – витиевато заиграла зурна, вплетая в мелодию известной эстрадной песни восточные нотки. Невеста была в кипенно-белом платье с каким-то немыслимым количеством оборок и воланов и в широкополой белой шляпе, с полей которой свисала густая вуаль.

– Что творится, что творится! – покрылись мы мурашками. – Мам, поди сюда, посмотри, какая невеста красивая.

Мама подошла к окну и глянула вниз. По выражению лица было видно, что ей не очень нравится то, что происходит во дворе. Она открыла рот, чтобы что-то сказать, но тут тетя Эля снова властным жестом остановила музыкантов, выдра-

ла со своего пальца кольцо, потрясла им в воздухе, и с криком: «Брыльянт в три карата на чистом золоте носи на здоровье дочка!» – вдавила его в палец невесты. Народ ахнул и заволновался, доол пробил туш.

– Бедная девочка, – покачала головой мама.

– Это почему? – обернули мы к ней свои любопытные мордочки.

– Да я просто так, не обращайтесь внимания.

Тем временем из машины выбрался жених. Оркестр почему-то затянул «Все могут короли». Выглядел Григор просто бесподобно, как герой индийского фильма. Он был в белом жутко скрипучем кримпленовом костюме. По плечам, поверх пиджака, крыльями подстреленной птицы простирался длинный ворот красной гипюровой рубашки, а из-под расклешенных брюк выглядывали красные носки («марьяж де колер» – вспомнила я выражение, услышанное от мсье Карапета). Туфли жениха были черные, лаковые, на большом каблуке.

– Вах, мама-джан, – выдохнула Манька, – вылитый Санджив Кумар!

Тетя Эля, видимо, тоже так подумала. Она припала к груди сына и залилась горькими слезами. Журна ушла в минор и затянула «Оровел» Комитаса.

– Тетьнадь, она что, его в армию провожает? – удивленно обернулась к маме Манька.

– Почти, – вздохнула мама.

Выплакав все слезы, тетя Эля сдернула с плеча два махровых полотенца и накинула их на плечи жениха и невесты.

– А это зачем? – удивились мы.

– Не знаю, – мама была сама крайне удивлена, – спросите у папы, может, он знает?

Дело в том, что мама выросла не в Армении и практически не была знакома с местными традициями. А тетя Эля переехала в наш город совсем недавно из какого-то затерянного в горах села и проводила свадьбу по своим деревенским обычаям.

Мы во все глаза наблюдали за церемонией. Невеста с женихом поправили на плечах полотенца, взялись за руки и пошли к дому. Возле подъезда им под ноги подложили по тарелке, и они разбили их на счастье (вот где особенно пригодились большие каблуки жениха), а потом под дружные крики толпы «горь-ко!» поцеловались. Мы вытянули шеи, чтобы в мельчайших подробностях наблюдать поцелуй.

– Фу, – поморщилась Каринка, – прямо в рот целуются. Отвратительно! Никогда не буду так целоваться.

– И мы не будем. Буэ!

Мы захлопнули кухонное окно и побежали узнавать, откуда такая традиция взялась – накидывать на плечи полотенца. Папа как раз докрашивал последние перила. Весь каменный пол балкона был щедро усеян каплями краски.

– Ты почему газет не постелил? – испугалась я.

– А надо было? – всполошился отец и кинулся оттирать

руками краску с пола.

– Пап, ну ты совсем как маленький, растворителем потом почистишь, – хмыкнула Каринка. Мы с уважением обернулись к сестре – надо же, всего три месяца ходит в художественную школу, а так много уже знает! Каринка под нашими взглядами надулась, как важный индюк, и даже немного покраснела.

– Дядьюр, мы к вам с вопросом, – очнулась Манька. – А почему тетя Эля накинула на плечи сыну и невестке полотенца?

– Когда?

– Вот прямо сейчас, во дворе. Встретила их и накинула.

Папа отложил кисточку и в задумчивости уставился на нас.

– Я могу только предположить, – неуверенно сказал он. – Эта традиция может восходить к древности. Правил в первом веке нашей эры в Армении один царь. Он болел страшным заболеванием – проказой, и никто не мог его вылечить. И дошли до него слухи о некоем человеке по имени Иисус, который чудесным образом лечил все заболевания.

– Это тот Иисус, которого Ба называет вероотступником? – встряла Манька.

– Да, – засмеялся папа, – тот самый. Итак, царь отправил к Иисусу послов с просьбой приехать и вылечить его. Иисус приехать не мог, он умыл лицо, просушил его полотенцем и, о чудо, влага превратилась в краску и отпечаталась на поло-

тенце ликом Христа. Гонцы привезли это полотенце больному царю. А тот вымылся, протерся им и исцелился.

– Совсем? – опешили мы.

– Совсем. И в благодарность принял крещение. И стал первым правителем-христианином Армении. Мне думается, что эти накинутые на плечи полотенца – символ того полотенца, которое исцелило царя Абгара.

– Кого? – подскочили мы.

– Абгара. Так царя звали.

– Пап, у нас фамилия Абгарян, может, мы потомки того царя?

– Я не думаю, – рассмеялся отец, – но если вам приятно считать себя принцессами – то пожалуйста. Мне не жалко.

– Ура! – запрыгали мы с Каринкой. – Вот оно что! Оказывается – мы принцессы!!!! Ура-ура!

Маня обиженно засопела. Было видно, что ей не очень приятно наблюдать нашу радость.

– Подумаешь, – фыркнула она, – принцессы. Я, может, тоже принцесса, но не кричу об этом на каждом углу.

– А как твоего предка звали? – полюбопытствовали мы.

– А вот так и звали!

– А как это вот так?

– А вот так! – Боевой чубчик развевался над Маней непотопляемым ирокезом. – Царь Шац. Понятно? Выкусили? Да, Дядьюр?

– Гхмптху, – отозвался папа.

– Гхмптху – это да или нет? – обступили мы его.

– Лучше Розу спросить, – нашелся папа. – Роза точно знает, кто из царей был твоим предком, Манюня.

– Пойдем Ба спрашивать, – предложили мы с Каринкой.

– Пойдем!

И мы побежали домой к Мане, узнавать о ее предках. По телефону звонить не стали – такие важные разговоры ведутся только тет-а-тет! Когда пробежали мимо «шестерки» с куклой, не удержались и подергали за ножки, чтобы узнать, как ее прикрепили к капоту. Кажется, ее действительно приклеили, потому что держалась она намертво.

– На обратном пути оторву, – бросила на бегу Каринка.

За углом дома мы столкнулись с Рубиком из сорок восьмой. При виде Каринки он побледнел и попытался пасть за мертво, но Каринка только презрительно скривила губы:

– Живи пока! – крикнула. – Скоро вернусь и оборву тебе уши.

Рубик тут же вернул себе обычный цвет лица и даже попытался огрызнуться:

– Сначала догони меня, а потом хвастайся!

– Я все слышала! – притормозила Каринка. Рубика и след простыл.

Через пять минут мы уже влетали в Манин двор. Дядя Миша сидел на скамеечке под тутовым деревом и изучал какой-то странной формы железяку.

– Здрасьти, Дядьмиш, – на секунду убавили бег мы, – новое открытие делаете?

– А куда это вы спешите? – удивился дядя Миша.

– Пап, нет времени, мы к Ба. – Маня в одном прыжке преодолела ступеньки лестницы и взлетела на веранду.

– За царем Шацем, – выдохнула я.

– За кем?! – опешил дядя Миша.

Но никто его уже не слышал. Мы скинули ботинки и ворвались в дом.

– Бааааа! – завопили втроем.

– Чего там, – испуганно высунулась из кухни Ба, – что-то случилось?

– Ба! – Манька ткнулась лицом в большой живот бабушки. – Скажи им, что я принцесса и моего предка звали царь Шац.

– Чегооооо? – выпучилась Ба.

– Что я принцесса, – заплакала Манька, – и про царя Шаца им расскажи, а то ишь, важные какие, они принцессы, а я нет!

– Мне кто-нибудь объяснит что здесь происходит? – рассердилась Ба. Мы с Каринкой испугались ее выпученных глаз и кинулись наперебой пересказывать про царя Абгара, который может быть нашим предком (я вас умоляю!), Иисуса (буркнула что-то про «мамэс милх», мы не очень поняли, что), тетю Элю (деревенщина!), а довершили все папиным рассказом про полотенца (так Юрий всю эту кашу заварил и

оставил мне ее расхлебывать?!!!).

Нам стало страшно за папу.

– Он сказал, что ему не жалко, и мы можем считать себя принцессами, если хотим, – заступились мы за него.

– Ба, – загудела Манюня, – так я принцесса или как?

– Вы не принцессы, а балбески и дегенератки, понятно? – рявкнула Ба.

– Это само собой, – упорствовала Манечка, – но ты про царя Шаца ответь.

– Нет и не было такого царя! – вздохнула Ба.

– Ыааааааааа, – ткнулась ей в живот Манька, – царь Абгар был, а царя Шаца, значит, не быыыло?

– Царя Шаца не было, зато твой прадед Исаак Шац сочинял такие стихи, что все бакинские красавицы были у его ног. Все до одной! – Ба протерла Манину мордочку подолом своего платья и заглянула ей в глаза. – Он был невероятным умницей и очень талантливым поэтом. Понятно тебе?

И было в голосе и выражении лица Ба такое, что Манька мигом затихла, а потом повернула к нам свое заплаканное личико:

– Выкусили?

– Мария! – прогрохотала Ба и отвесила внучке подзатыльник.

Но Манька даже ухом не повела. Она гордо прошла мимо нас и стала подниматься на второй этаж. Дошла до середины лестницы, свесилась через перила и крикнула вниз:

– Не хочу больше дружить с тобой, Нарка. Понятно тебе? – И побежала наверх.

– Ба-а? – Мой голос предательски оборвался. – Чем я ее обидела?

– Ничем, Нариночка, – обняла меня Ба, – просто Маня перенервничала. Она единственный ребенок в семье, а вас много. И ей очень хочется во всем быть похожей на вас, чтобы не чувствовать себя одинокой, понимаешь? Идите домой, завтра все будет хорошо. Она отойдет и снова помирится с тобой.

Мы с Каринкой надели ботиночки и поплелись домой. Я плакала, а Каринка шипела на меня:

– Ну чего ты плачешь, как дура, Ба ведь сказала, что завтра помиритесь.

– Ничего мы не помиримся, Маня больше не будет со мной дружить!

– Хочешь, я буду с тобой дружить?

– Нет! Ты и так со мной дружишь, ты моя сестрааааа! А Манька мне не сестрааа! Она мне вообще никтооооо!!! Просто друуууг! И одинокая девочкаааа!

– Ну ты даже дура, – рассердилась Каринка и выдрала с корнем какое-то растение из цветочной клумбы.

– Ты уверена, что это сорняк? – спросила я сквозь слезы.

– Конечно, все цветы уже отцвели, остались одни сорняки.

Так мы и шли домой – я обливалась слезами, а Каринка

страдала лицом и остервенело размахивала длинным стеблем сорняка.

Во дворе нам повстречался злобный и вредный мальчик Сережа, и, из чистого интереса, сколько ударов может выдержать растение, Каринка исхлестала его сорняком. Пока она гонялась за мальчиком, я рыдала возле белой «шестерки». Заодно сквозь слезы пыталась понять, каким же образом куклу прикрепили к капоту. Оказалось, что ее намертво привязали лентами к дворникам. Тут прибежала Каринка.

— Пять ударов — и сорняк превратился в мочало, — выдохнула она и вцепилась в куклу.

— Девочки, — обеспокоенно высунулась в окно мама, — марш домой!

— Не дала от дворников оторвать! — проворчала Каринка. Вечер я просидела возле телефона в ожидании звонка от Мани. Но телефон молчал.

— Не хочу я быть принцессой, — приговаривала я, размазывая по щекам слезы, — дался мне этот царь Абгар!

Когда я с горя улеглась спать, мама подоткнула со всех сторон одеяло, села рядом и взяла меня за руку.

— Утро вечера мудренее, — улыбнулась она, — завтра все будет хорошо.

И я, замученная переживаниями, провалилась в глубокий сон.

Ранним воскресным утром в нашем доме раздался те-

лефонный звонок. Я побежала как ошпаренная поднимать трубку, пока звонок не разбудил остальных.

– Але!

– Овощи! – бодрым голосом отрапортовала Манька.

– Чивой? – я мигом проснулась.

– Грю, овощи! Песня.

– Мань, какие овощи, какая песня?

– Нарка, не перебивай меня. Раз мой прадед был поэтом, то я тоже решила стать поэтом. И написала стих про овощи. Потом сочинила к нему музыку. И получилась песня. Вот, послушай. Сейчас, только поставлю трубку на полку так, чтобы ты слышала и пение, и аккомпанемент на скрипке.

– Что-то случилось? – высунулась в дверь спальни мама.

– Это Маня, – зашептала я, – она песню сочинила, называется – «Овощи».

– Вот дегенератки, – тоном Ба возмутилась мама. – Вы хоть видели, который час?

Я хотела ответить, что пока очень рано, но тут Манька запиликала на скрипке и запела тоненьким голосом:

Лук, картошка, огурцы,
Помидорчик красненький
И морковка рыжая,
Перчик зеленый.
Ешьте, ешьте, деточки
Родные мои,
Наши овощи

Будут вас кормить!

– «Родные мои, наши овощи будут вас кормить», – это припев, ну ты поняла, да? Как тебе песня? – спросила Манька.

– Шикиблеск. Мань, это самая красивая песня, которую я слышала.

– Ага. Теперь все бакинские красавицы будут у моих ног! Хочешь, я еще раз тебе ее спою?

– Хочу.

Но исполнить песенку второй раз Манюне не удалось.

– Марииниииния! – прогрохотала Ба. – Ты видела, который час?

– Потом договорим, – шепнула Манька и отключилась.

Я какое-то время простояла с трубкой у уха, вслушиваясь в гудки. Счастью моему не было предела – Манька все уже забыла и снова дружит со мной! Никогда, никогда мы больше не будем ссориться, никогда! Я тихонечко опустила трубку на рычаги, прокралась в спальню и легла в постель. Часы показывали четверть шестого утра. До рассвета было еще далеко, но на том конце города уже победно перекликались петухи.

Глава 5

Манюня лепит из меня снеговика, или Ба снова сказала «господибожетымой»

Зимы в наших южных широтах редко бывали снежными. Температура колебалась где-то в районе нуля, декабрь выдавался традиционно туманным, да таким молочно-туманным,

что отменялись рейсы самолетов в аэропорту нашего района. Аэропорт находился впритык к границе с Азербайджаном и обслуживал три еженедельных рейса Ереван – Айгепар – Ереван. За этот «впритык» он и поплатился в войну – его разбомбили в первую очередь. Но это потом, в 90-е, а сейчас он представлял собой новенький, недавно отстроенный комплекс и радовал глаз чистеньким аэровокзалом и идеально ровной взлетно-посадочной полосой.

Иногда по этой полосе сновали куры диспетчера тети Зины. Тетя Зина жила аккурат через дорогу и в нелетные дни приводила на работу всю свою домашнюю живность. Куры важно ходили по заасфальтированной взлетной полосе, остервенело гадили, а потом ковырялись в собственном помете. Два штатных ястреба аэропорта, Карабас и Барабас, неприязненно следили за курами из своих металлических клеток.

Ястребов выпускали разгонять стаи вредных воробьев, в большом количестве сновавших окрест. Всем известно, какую большую опасность представляют собой птицы для идущих на посадку или взлетающих самолетов. Поэтому сначала Карабас и Барабас разгоняли воробьев, а потом тетя Зина, внимательно прислушивающаяся к позывным ереванского диспетчера, высовывалась по пояс в окно и кричала сторожу:

– Степаааан, зазывай обратно ястребов, самолет скоро будет у нас!

В зале ожидания тут же начиналось броуновское движение – встречающие кидались к окнам и шумно комментировали маневры летчика:

– Ара, Сурен, посмотри, как самолет накренился, видимо, в одном крыле бензин уже закончился, а в другом его еще много, вот и перевешивает!

– Да что ты говоришь, Назар, какой накренился, какой бензин, это просто летчик-джан поворот таким образом берет!

Как только самолет касался посадочной полосы, аэропорт мигом взрывался в бурных аплодисментах.

– Ласточка, а не самолет! – радовались люди и терпеливо ждали, когда Степан подкатит трап.

– Анико, ты мою Лусинэ не видишь? – подслеповато шурилась древняя, сморщенная, как сухофрукт, старуха.

– Вон она, вижу! – визжала Анико. – Нани, она в короткой юбке и на высоких каблуках!!!

– Вуй, чтобы мне ослепнуть и этого позора не видеть! – менялась в лице старуха. – Ереван мою девочку испортил! Совсем короткая юбка?

– Выше колена на целую ладонь!

– Хисус Кристос! – мелко крестила лоб старуха. – Что за времена бессовестные настали? Пусть она только подойдет ко мне, уж я ее оттаскаю за длинные косы, вот увидишь!

– Нани, она к тому же постриглась!

– Ааааа... – Цеплялась за воздух скрюченными пальцами

старуха и медленно оседала на пол.

– Ой, подожди, нани, я обозналась, это не Лусинэ, а какая-то другая девушка. Вооооон наша Лусинэ, вижувижу наконец ее, и косы у нее длинные, и каблук на туфлях маленький!

– Вот, – резво вскакивала с места старуха, – я же говорю, что это не моя Лусинэ! Анико, тебя отшлепать надо, у меня сердце чуть не треснуло!

– Нани, но юбка-то на ней все равно короткая!

В нелетные дни ястребов подкармливали сырым мясом, но совсем чуть-чуть, чтобы они оставались голодными перед завтрашней охотой. Оскорбленные таким беспардонным обращением, ястребы сидели, нахохлившись, в своих клетках и косились желтым глазом на безмозглых кур, нагло снующих кругом.

– Зиник! – ругался начальник аэропорта Мирон Арменакович. – Ни стыда у тебя, ни совести! Посмотри, во что твои куры превратили это солидное учреждение! Ты бы еще корову свою на взлетную полосу притащила!

– Мирон Арменакович, – становилась в боевую позу Зина, – чем тебе эти несчастные куры помешали? Они что, кушать у тебя просят? Может, зарплату просят или внеочередной оплачиваемый отпуск? Вот зачем ты меня такими замечаниями обижаешь? – тут в голосе Зины появлялся металл. – А будешь буянить, так и корову приведу!

Мирон Арменакович недовольно бурчал, но ничего не мог

поделать. Дочь Зины замужем за его двоюродным братом, разве можно при таком раскладе ссориться с родственниками?! «С другой стороны, – расстраивался Мирон Арменакович, – начальник я или шелудивый пес? Что это за отношение ко мне такое?»

– А если комиссия? – вскипал он.

– А с комиссией я лично буду разбираться! Так и скажи комиссии – идите и разговаривайте с Зиной, ясно? А я найду чем умаслить комиссию. Две бутылки кизиловой водки – и комиссия будет ноги мне целовать! Ясно? – насканивала на своего начальника Зина.

В пылу спора у диспетчера из-под тяжелого узла волос вываливался рваный чулок. Из таких старых чулок раньше делали подкладку, чтобы придать прическе пышность. Мирон Арменакович какое-то время со злорадством наблюдал мотающийся по Зининой спине рваный чулок, потом его начала мучить совесть, и он, косясь куда-то в сторону, конспиративно шептал:

– Зиник, ты, это, поправь кос на голове!

– Где? – пугалась лицом Зина, лезла руками в волосы и, по одной выдергивая шпильки, приводила в порядок прическу. – Посмотри теперь, все ли у меня в порядке с косом?

– Ага, – бурчал Мирон Арменакович.

«Косом» в нашем городе называли тяжелый узел волос. Есть у меня большие подозрения, что кос – это перенятое из русского языка слово «коса». Народ за ненадобностью от-

сек окончание и присвоил слову новый, доселе не снившийся великому Далю смысл.

Когда городок накрывали традиционные декабрьские туманы, аэропорт вовсе впадал в анабиоз. В ожидании лучших времен он дремал под густой шапкой влажных облаков, тетя Зина выгуливала кур у себя на дворе, а ястребы пережидали нелетную погоду в железных клетках. Сторож Степан приносил им поесть, и, следя за тем, как птицы уничтожают куски свежего мяса, разговаривал светские разговоры.

– Карабас-джан, – говорил он, – медленно спеши, что ты ешь, как оглоед? Я же тебя вчера уже кормил, а ты себя ведешь так, что мне стыдно тебе в глаз смотреть. Ты еще скажи, что я тебя голодом морю! А ты, Барабас, воды мало пьешь. Запивать надо еду, сколько раз можно тебе одно и то же сказать?!

Степан разговаривал с ястребами только по-русски. Из уважения и чтобы показать, что он тоже не хухрымухры, хоть и сторож. Ястребы, чтобы сделать ему приятное, важно кивали своими крючковатыми носами и прикидывались знатоками русского языка.

Будь на то их воля, белые зимние туманы длились бы целую вечность. Но ближе к Новому году резко холодало, и густой, непроницаемый туман разом оседал высоким слоем снега на город. Вечером еще было пасмурно и сыро, а с утра все улицы оказывались завалены полуметровыми сугробами! Урааааааа, наступила настоящая зима! Дети тут же хва-

тали санки и на целый день пропадали из дому – спешили жить полноценной, такой редкой для южных широт зимней жизнью.

Хозяйки вытаскивали тяжелые ковры и выбивали их на белом полотне снега. Ковры мигом возвращали себе былую молодость, переливались яркими красками и долго потом пахли свежестью и зимой.

Однажды, декабрьской туманной субботой, мы с Каринкой гостили у Ба. Родители с Гаянэ и Сонечкой уехали в Кировабад – навестить нашу бабулю, а мы предпочли остаться с Манькой. Ба испекла свое знаменитое песочное печенье, и мы весь вечер соревновались: кто дольше продержит во рту растаявший, приятно пощипывающий язык тоненький лепесточек выпечки.

Ба следила за нами с плохо скрываемым раздражением.

– Если вы будете дурачиться, то я больше не дам вам сладкого! – наконец не вытерпела она.

– Ба-а, – я мигом проглотила печенье, – не обижайся на нас, мы просто вкусичаем!

– Я вам дам вкусичать! – нахмурилась Ба. – Так ведь подавиться можно, вдруг печенье не в то горло попадет?

Манюня с Каринкой и ухом не повели, а я побледнела. Из-за специфического строения носоглотки я постоянно давилась едой или питьем, и тогда напуганная моим задыхающимся видом семья кидалась отбивать мне все, что находит-

ся выше почек.

– Вся в своего отца, – причитала мама, – и того хлебом не корми – дай только подавиться!

Папа давился даже чаще, чем я. Потому что ел очень быстро. Особенно часто он давился сырой морковкой, которую очень любил и поглощал в каких-то неподъемных для человеческого желудка количествах. Поэтому, как только папа приближался к холодильнику, мама тут же бросала клич:

– Дети, ваш отец снова собрался есть морковь!

Мы тут же слетались со всех концов квартиры и обступали отца.

– Идите отсюда, – ругался папа и быстро-быстро пожирал морковку, – все будет нормально, я не подав... кха-кха-кха... люсь... кха-кха-кха... уху-кха!

– Папа, откинь голову! – орали мы и колотили его по спине. – Вот тебе вода, отпей глоточек.

– Захрмар... кха-кха-кха, это вы во всем виноваты... кха-кха-кха... не дадут человеку нормально... кха-ухукха... поесть!

Я отодвинула свою тарелку и встала из-за стола. Манька с Каринкой и не подумали следовать моему примеру. Они с блаженным видом перекатывали во рту сладкую жижу и мычали от удовольствия.

– Ммммм!

– Посмотрите на этих дегенератов! – прогрохотала Ба.

– Бааа, – ткнулась я ей в грудь мордочкой, – ну Бабоч-ка,

они не подавятся!

Ба засмеялась и поцеловала меня:

– Ну до чего ты ласковая, Нариночка, совсем как теленок!

– А я? – мигом проглотила печенье Манька. – Я что, не ласковая? Я тоже как теленок, скажи, Ба.

– Теленок, не волнуйся, – чмокнула внучку Ба и уставилась на Каринку: – Ну что, Чингисхан, так и будешь упрямым?

За особую склонность к разрушительной деятельности Ба назвала Каринку Чингисханом. Каринка гордилась своим прозвищем и использовала его как зубодробительный аргумент.

– Знаешь, как меня люди называют? – насканивала она на очередного шкодливого мальчика: – Чингисхан! Хочешь в глаз?

Мальчика и след простывал.

Вот и сейчас Каринка расплылась в довольной улыбке и проглотила печенье.

– Ба, ты меня так почаще называй.

– Если я стану тебя еще чаще так называть, то ничего, кроме слова «Чингисхан», произносить не буду, – хмыкнула Ба и убрала со стола вазочку с печеньем.

Потом вернулся дядя Миша, и мы побежали смотреть, как он паркует Васю. Или как Вася дает себя парковать.

– Быр-быр кха-кха, – возмущался Вася.

Дядя Миша остервенело шуровал рычагами, крутил ба-

ранкой и громко ругался. Вася угрюмо выкидывал коленца – шерудел дворниками и буксовал почем зря. Наконец дядя Миша таки припарковался, вылез из машины и в сердцах хлопнул дверцей.

– Мать твою за ногу, – проорал, – ну что ты за чучело такое? Сдам в металлолом!

– Напугал, – хмыкнул про себя Вася и победно забулькал маслом.

– Нет, ну ты представляешь, – жаловался дядя Миша, щедро поливая вкуснющие пельмени схтор-мацуном⁹, – поехали в Дилижан, так Вася снова на полдороге заглох! Провалились несколько часов под его брюхом, кое-как завели и вернулись обратно.

– На симпозиум не попали? – замерла с ножом в руках Ба.

– Нет!

– Миша, ну сколько тебе говорить: надо машину продавать?

– А кто ее купит? – развел руками дядя Миша. – Кому она нужна? Да и я к ней привык, – добавил он после минутного молчания.

Ба обернулась и смерила сына долгим взглядом.

– И-их, весь в своего отца! Ни амбиций, ни боевитости. Где бы ты был, если бы не я? Кочегаром бы работал. Или плотником. Или монтажником, во! – вспомнила она знаменитую на всю страну песню из фильма «Высота».

⁹ Соус из чеснока и мацуна.

– Мам, ну не начинай опять, – рассердился дядя Миша, – можно подумать, отец не приложил никаких усилий для моего воспитания.

– Приложил. Усилиями это, конечно, не назвать, но не будем о грустном, – парировала Ба.

Мы с Манькой и Каринкой украдкой заглядывали на кухню. Дядя Миша периодически оборачивался к нашим торчащим из-за дверного косяка выпученным глазам и строил смешные гримасы.

– Хихихи, – с готовностью откликались мы.

– Ну что, девочки, будем в подкидного дурака играть?

– Будем, – запрыгали мы.

– На щелбаны?

– Нет, на желания!

– Ладно, на желания так на желания.

А потом мы допоздна играли в подкидного дурака, и я, как самый везучий игрок, выполняла разные желания, как-то: ползала под столом и громко кукарекала, спускалась задом наперед на полусогнутых по лестнице, ведущей на второй этаж, делала мостик и прыгала на одной ноге, а потом, когда попыталась сесть на шпагат, порвала брюки. Ба сначала отругала всех, потом села штопать мои штаны. А я щеголяла по дому в ее оранжевых панталонах, которые она подвязала у меня на пузе цветастым поясом от своего халата.

– Дети, просыпайтесь, зима наступила! – разбудила нас с утра Ба.

Мы выскочили из-под одеял и кинулись к окну. Двор завалило кипенно-белыми сугробами. Словно кто-то распорол над городом большую пуховую перину и засыпал дома и дороги воздушными белыми перьями.

– Ура! – закричали мы. – Зима наступила! Будем лепить снеговика! Будем играть в снежки!!!

За считанные минуты мы навели порядок в комнате, умылись, а потом притопали на кухню и безропотно съели геркулес и запили его сладким чаем с бутербродом.

Ба нарадоваться на нас не могла.

– Ну надо же, – приговаривала она, – чтобы дети стали как люди, нужно, чтобы просто наступила зима!

Потом мы радостно натянули варежки и шапки и выбежали во двор.

Наступила самая настоящая южная зима – кругом раскинулись высокие и рыхлые сугробы, машины недовольно фырчат и буксуют, скользя летними шинами по размокшей колее, с серого неба косо валят большущие, величиной с бабочку-капустницу, снежинки.

– Ураааа! – заорали мы. – Ураааа!

– Нельзя терять ни минуты, а то к вечеру небось снег уже растает. Прямо сразу начинаем веселиться! – скомандовала Манька.

Два раза повторять ей не пришлось. Мы с Каринкой дружно повалили ее в сугроб и закидали снегом так, что наружу торчала только голова.

– Я самый большой червяк на свете, – довольно запела Манька. Щечки ее зарумянились, глаза блестели, как две звездочки.

Но тут из дома выбежала Ба, вытащила Маню за шиворот и хорошенечко отряхнула.

– Ты же можешь заболеть!

– Ба, у меня же непромокаемый комбинезон, – ныла Манька, – что со мной может случиться?

– Так под снегом же холодно! Простыть можно.

– Ничего не холодно, ты же сама рассказывала, что в джунглях люди закапываются в снег, чтобы от холода спастись.

– Во-первых, не в джунглях, а в тундре, а во-вторых, если я еще раз увижу такое безобразие, то собственноручно закопаю вас в снег, ясно? Всех одним пучком. И грейтесь там до весны!

– Ба, а можно тогда в тебя хотя бы снежком кинуть? – спросила Каринка и, не дожидаясь ответа, запустила в Ба снежком.

Ба отвесила сестре подзатыльник.

– А можно тебе подзатыльник отвесить? – спросила она.

– Га-га-гаааа, – загоготали мы, – Каринке достался подзатыльник!

Ба огрела и нас.

– А это вам, чтобы обидно не было. Я сейчас к соседке тете Вале на часик зайду, а потом вернусь обратно. Буду из окна за вами наблюдать. Вы же знаете, что из Валиных окон наш двор хорошо просматривается?

– Знаем, – хором ответили мы.

– Вот и попробуйте вести себя плохо. Ясно?

– Ясно!

– Или, может, мне вас домой отправить?

– Не надо, – испугались мы.

– Буду через шестьдесят минут! Хоть одна выходка, и вам несдобровать. Понятно?

– Поняаяятно!

Ба смерила каждую из нас долгим недоверчивым взглядом, потом кивнула.

– Я вас предупредила, вы меня слышали!

Как только она вышла за калитку, мы тут же принялись остервенело кидаться друг в дружку снежками.

– Я все вижу! – пророкотала Ба из-за Тетивалиного забора.

– А мы чего, мы ничего!

– Смотрите у меня!

– Давайте лепить снеговика, а то она нам нормально по-

играть не даст, – вздохнула Манька.

– А давайте лучше к нам во двор пойдем, – сказала Каринка, – можно вдоволь поваляться в снегу, опять же Маринка из тридцать восьмой жаловалась, что ей Гарик прохода не дает. Надо его проучить.

– Де-ти! – выглянула из Тетивалиного окна Ба. – Я вас вижу!

– Ба, а можно мы к Нарке пойдем? – крикнула Манька.

– Нет, оставайтесь у нас во дворе. Ясно?

– Ясно!

Делать было нечего, пришлось довольствоваться периметром Маниного двора.

Мы принялись лепить снеговика. Снег был пушистый, рыхлый, легко скатывался в комья и приятно поскрипывал под ногами.

Лепить было не так интересно, как закапывать Манюню в снег. Поэтому мы чуть-чуть повозились со снеговиком, а потом развалили его и воровато съели по снежку.

– Чем бы нам еще заняться? – протянула я.

– Я придумала, – вдруг вскочила Каринка, – нужно сделать сюрприз Ба.

– Какой сюрприз? – недоверчиво покосилась я на Каринку. По горькому опыту знала – все сюрпризы, которые приходили сестре в голову, рано или поздно заканчивались поркой.

– Нужно соорудить настоящего снеговика, а не снежного!

– То есть как это настоящего?

– Чтобы двигался. Представляете: Ба заходит во двор, а тут снеговик начинает шевелить руками и разговаривать.

– Ты с ума сошла? Где мы найдем такого снеговика?

– Слепим! – У сестры разгорелись глаза. – Из тебя!

– Де-ти!!! – высунулась в окно Ба. – Что это вы топчетесь на одном месте? Замышляете чего?

– Нет, – испугались мы, – ничего мы не замышляем. Сейчас будем снеговика лепить.

– Возьмите морковку в погребе, а глаза можете из угольков сделать, там, в ведре возле печки, достаточно угля.

– Лааадно!

– И смотрите у меня!

– Роза, ну не разрушат же они дом за полчаса, иди уже, кофе стынет, – раздался голос тети Вали.

– Да они и за десять минут могут дом по кирпичику разобрать, – проворчала Ба и захлопнула окно.

Она еще с минуту гипнотизировала нас взглядом из-за стекол, а потом ушла в дом.

Времени оставалось в обрез.

Мы быстренько слепили несколько больших снежных комьев.

– Теперь надо соорудить из Нарки снеговика, – скомандовала Каринка.

– А как вы себе это представляете? – испугалась я. – Вы меня будете снегом закидывать? Я же простужусь и заболею.

– Так это же недолго! Ба вернется, и ты вылезешь!

– А Ба не испугается?

– Что, Ба снеговиков не видела? – вылупилась Манька.

– Снеговиков видела, а вот живых – вряд ли.

– Вот и будет ей приятный сюрприз. Мы же не поджигаем тебя, а статую лепим! Вот если бы мы тебя подожгли – тогда другое дело. А статуя – это красиво.

– И неопасно! – добавила Каринка.

– Это да, – протянула я.

– Ну так стой и не двигайся, – приказала сестра и стала быстро-быстро заваливать мои ноги снегом.

В скором времени стало ясно, что никакого снеговика из меня не получится, ведь, чтобы покрыть меня с ног до головы, снега нужно больше, чем мы успеем собрать.

– Ничего, – нашла выход Манька, – мы ее завалили до попы – и нормально. Я сейчас принесу скатерть с кухонного стола, она беленькая. Накинем ее Нарке на плечи. Будет красиво.

– Какая же ты находчивая! – выдохнули мы с Каринкой. Манька зарделась.

– Да-да-да, я иногда бываю находчивой. Когда хочу! – И она побежала в дом.

Пока Манька бегала за скатертью, Каринка принесла из погреба морковку.

– Зачем морковь? – испугалась я. – Как ты ее приклеишь к моему носу?

– А ты ее будешь во рту держать.

– Не хочу, – обиделась я, – она грязная!

– Я ее снегом протерла, – успокоила меня Каринка.

– И вообще, – ныла я, – ногам холодно.

– Ну потерпи чуток, скоро Ба вернется. – И сестра забила мне рот грязной морковкой.

Я вонзилась зубами в морковь и встала, как вкопанная. Манька выскочила из дома со скатертью и на миг замерла на месте.

– Красотааа!!! – выдохнула она.

– М-м-м, – пожаловалась я.

Но Маня не стала обращать внимания на мое скорбное мычание, накинула мне на плечи скатерть и прищипилила ее сзади бельевой прищепкой. Расправила края так, чтобы скатерть прикрывала пальто. Потом водрузила мне на голову красную эмалированную кастрюлю.

Они с сестрой придирчиво оглядели меня.

– Не очень, – покачали они головами, – лицо у нее синее, а надо, чтобы белое, как у настоящего снеговика.

– Снегом залепить? – предложила Манька.

– Нет! – выплонула я морковь. – А как я дышать буду? А лицо синее, потому что мне холодно! И вообще, давайте морковку в самом конце приладим, а то мне челюсти сводит.

– Ладно, – смилостивились девочки.

– Я придумала! – запрыгала Манька. – Нужно Наркино лицо присыпкой обсыпать!

Сказано-сделано. Девочки притащили тальк, густо обсыпали мне лицо, водрузили на голову кастрюлю и всучили в руки метлу, которой Ба подметала двор. Чуть подумали, сбегали к печке и приволокли кочергу.

– Девочки, – высунулась в окно Ба, – а что это вы делаете?

– Снеговика лепим, – заслонили меня спинами девочки.

– А где Нарка?

– В туалет пошла.

– Смотрите у меня, я через пять минут буду!

– Хорошо, – пискнули девочки и, дождавшись, когда Ба закроет окно, быстро стали меня инструктировать.

– Нарка, смотри сюда, стоишь молча, не двигаешься. Как только Ба заходит во двор, ты начинаешь медленно поднимать и опускать метлу с кочергой и петь песню.

– Какую песню? И как мне петь, если морковь во рту?

– Промычи, ничего страшного. Новогоднюю песенку, про «в лесу родилась елочка».

– А как руки поднимать: так или так? – показала я.

– Вот так! И старайся не шевелить головой, а то кастрюля упадет.

– Ладно.

Девочки забили мне рот морковкой и спрятались за тутовым деревом.

Я стояла, засыпанная снегом по пояс, с кастрюлей на голове и с морковкой во рту, и молилась только об одном – чтобы Ба наконец пришла, потому что ног своих я уже прак-

тически не чувствовала. Ветер легонько колыхал скатерть на моих плечах, метла с кочергой зловеще трепыхались в растопыренных руках. Сюрприз обещал произвести фурор!

Когда Ба зашла во двор и уставилась на меня, я повела руками вверх и вниз, как показывали мне Манька с Каринкой, и промычала: «М-м-м-м-м-мм, м-мм-м-м-м!» Ба замерла на месте, потом побледнела и прислонилась к забору. Мне было не совсем ясно, нравится ей наш сюрприз или нет, поэтому я замолчала.

– Пой, – прошипела сзади Каринка.

Я выплюнула морковку и тоненьким голосом завела:

– В лесу родилась елочка, в лесу она рос-ла!!!!

– Кочерга! – зашипела сзади Манька.

– Зимой и летом стройная, зеленая бы-ла! – повела я кочергой вверх-вниз.

– Господибожетымой, – выдохнула Ба.

Если бы у меня была такая возможность, я бы мигом закопалась в снег и переждала бы там приступ ее немилосердного гнева. Но возможности такой не было, поэтому мне ничего не оставалось, как в ужасе наблюдать приближение урагана по имени Ба.

В последний момент я зажмурилась и втянула голову в плечи, и очень даже вовремя, потому что в следующий миг она вырвала у меня из рук кочергу и заехала ею по кастрюле.

– Дзыннннннь, – прогудела кастрюля и отлетела в сугроб.

Ба мигом раскидала снег, схватила меня за шиворот и поволокла в дом.

– Раздевайся быстро, – проорала она мне в густо напудренное лицо. – Ноги озябли?

– Озябли, – заныла я.

– Снимай сапоги и марш к батарее отопления! Обними ее и жди меня, поняла?

– Поняла!

Ба ураганом полетела в ванную, выдрала из стиральной машинки шланг для сливания воды и кинулась во двор.

– Убью, – выдохнула.

Каринка с Манькой допустили досадный стратегический просчет. Нужно было, пока Ба волокла меня в дом, бежать в отделение милиции и проситься под арест. Тогда им удалось бы миновать кару.

А они почему-то решили, что, раз Ба поволокла меня в дом, а им ничего не сказала, значит, все в порядке, и сюрприз ей таки понравился. И, сияя довольными лицами, пошли домой. И столкнулись с Ба прямо на пороге.

Вот.

– Аааааааааааа, – орали потом они в унисон.

– Ыхть, – приговаривала Ба, – сколько можно! Ыхть! Я вам что сказала! Ыхть! А если она заболит? Ыхть!

Далее Ба затащила поскуливающих девочек домой, выпила стакан валерьянки, отодрала меня от батареи отопления и поволокла в ванную. Кипятила меня минут двадцать в воде,

потом долго растирала полотенцем.

Но я оказалась неблагодарным созданием, умудрилась к вечеру слечь с высокой температурой, и Каринке с Манькой досталось по второму кругу.

Но обиды на меня они не держали. Наоборот, дежурили рядом, пока я отлеживалась в постели, и читали мне вслух книжки. И вели себя тише воды ниже травы.

– Нужно Нарку поднять, – приговаривали они шепотом, – а то вдруг она умрет? Тогда Ба нас точно со свету сживет!!!

Глава 6

Манюня пишет письмо Деду Морозу, или Как Каринка целый день была примерной девочкой

Мы с Манькой очень уважали Генсека Леонида Ильича Брежнева.

– А Генсек – это имя или фамилия? – спросили мы как-

то у Ба.

– Генсек – это заболевание мозга, – хмыкнула она. – При этом неизлечимое.

– Охохо, – пригорюнились мы, – ну надо же, как человеку не повезло!

И если меня насторожил скептический тон Ба, то Маньку он совершенно не тронул. Она свято верила, что, не будь Брежнева и его друзей из местности с таинственным названием Ципкакапээсэс, нас бы давно уничтожили злобные капиталисты.

В один из предновогодних дней мы с моей подругой, взобравшись в широкое кресло с ногами и уютно накрывшись клетчатым пледом, листали журнал «Крокодил». И долго разглядывали карикатуру, на которой какой-то бессовестный трехголовый капиталист ходил по глобусу и раскидывал кругом ракеты.

– Им-пе-ри-а-лис-ти-чес-ка-я гидра. Во! – прочла по слогам Манька. – Смотри, какая бессовестная гидра! Она мне уже давно покоя не дает. Как вспомню, что такая гидра ходит по земле туда-сюда и разбрасывает гранаты, так спать не могу. Или это не гранаты? – Манюня повела пальцем по остроконечным ракетам, которые гидра сжимала в своих толстых пальцах. – «Катюши», что ль?

– Конечно, «Катюши», – важно кивнула я, – они стреляют здорово. Пиу-пиу-пиу!

– Чего это пиу-пиу-пиу? – раздался из розетки громкий

шепот Каринки.

Мы обернулись.

– Говорю – это наши «Катюши»! – повторила я.

Розетка находилась на стене, отделявшей детскую спальню от кабинета, и держалась на честном слове. Я аккуратно вытянула ее и увидела сквозь провода кусочек заплаканного Каринкиного глаза.

– В туалет не хочешь?

– Не хочу. А чего это пиу-пиу-пиу? Вы что, совсем ничего не понимаете? Пиу-пиу может делать любое ружье! А «Катюша» делает бабах! – оживилась сестра. – Покажите мне рисунок, и я скажу, какие там ракеты.

Мы с Манькой хотели показать ей карикатуру, но тут в кабинет вошла мама, и мы отпрянули от розетки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.